

Жития святых

написанные
СВЯТЫМИ

Сборник Жития святых, написанные святыми

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11829460

Жития святых, написанные святыми : [сборник]. – Изд. 6-е.: ДАРЪ;

Москва; 2013

ISBN 978-5-485-00117-9

Аннотация

Данное издание представляет собой сборник житий святых, составленных величайшими подвижниками Православной Церкви: свт. Игнатием (Брянчаниновым), свт. Афанасием Александрийским, прп. Ефремом Сириным, прп. Иоанном Дамаскиным и др. Таким образом, о святых пишут люди, которые сами прошли узким путем благочестия, путем исполнения заповедей Божиих и которые сейчас причислены Церковью к лику святых. Поэтому эта книга будет, несомненно, полезна как пример духовного делания одних подвижников и поучений других – их жизнеписателей.

Содержание

Иосиф	5
Жизнь и труды апостола Павла	54
Жизнь в иудействе	54
Обращение в Христианство	69
Время обращения апостола Павла	82
Первые подвиги апостола Павла	88
Первое апостольское путешествие	95
Конец ознакомительного фрагмента.	98

ЖИТИЯ СВЯТЫХ,

НАПИСАННЫЕ СВЯТЫМИ

СВТ. АФАНАСИЙ ВЕЛИКИЙ

Прп. ЕФРЕМ СИРИН

Прп. ИОАНН ДАМАСКИН

Прп. НИКИТА СТИФАТ

**СВТ. ИННОКЕНТИЙ (БОРИСОВ),
еп. Херсонский**

**СВТ. ИГНАТИЙ (БРЯНЧАНИНОВ),
еп. Кавказский**

ЕПИСКОП ВАРНАВА (БЕЛЯЕВ)

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви

№ ИС 10-08-0378

Иосиф

Свт. Игнатий (Брянчанинов), еп. Кавказский

*Священная повесть, заимствованная из книги Бытия (гл. 32–50)*¹

Чудно приходит к праведникам посреди их бедствий мысль благодарения Богу. Она исторгает сердца их из печали и мрака, возносит к Богу, в область света и утешения. Бог всегда спасает прибегающих к Нему с простотою и верою.

Возвращался святой патриарх Иаков из Месопотамии в землю Ханаанскую, в землю рождения своего, в предопределенное Богом свое наследие (Быт. 32). Внезапно пришла к нему весть, что гневный Исав, брат его, идет к нему навстречу, что при нем четыреста вооруженных мужей. Еще в лета юношества Исав, волнуемый завистью, покушался на жизнь Иакова. Чтоб избегнуть преждевременной насильственной смерти, Иаков удалился в Месопотамию. Он пробыл там двадцать лет. Время могло бы исцелить уязвленное злобою сердце Исава... Нет, он идет навстречу брату с вооруженной дружиной. Многочисленность толпы, воинствен-

¹ Из книги «Аскетические опыты».

ный вид ее обличали злонамеренный умысел. Время не исцелило ненависти в Исаве: возмужал он, возмужала в нем и ненависть к брату.

Испугался Иаков. Не зная, что делать, он решился разделить имение свое, состоявшее из домочадцев и многочисленных стад, на два полка. «Если разъяренный Исав, – рассуждал он, – изрубит один полк, может быть, иссякнет гнев его, и он не прикоснется к другому полку». За двумя полками стояли жены и дети Иакова; позади всех стояла вторая супруга его, Рахиль, с единственным сыном своим Иосифом, юнейшим из сыновей Иакова. Они заняли последнее место как младшие, но это место дала им также особенная предусмотрительная любовь супруга и отца как безопаснейшее. Глаз любви сметлив; сметлив и глаз ревности. Сделав такое распоряжение, праведник спешит в обычное пристанище праведников – спешит встать пред Богом в благоговейной молитве. *Недостойн я, – исповедуется он Богу, – всех милостей и всех благодеяний, которые Ты сотворил рабу Твоему, ибо я с посохом моим перешел этот Иордан, а теперь у меня два стана* (Быт. 32, 10).

Отовсюду окруженный напастью, праведник изливает сердце пред Богом, сводит расчет свой с судьбой, находит себя вполне удовлетворенным, находит, что Бог, заповедовавший ему путешествие в Месопотамию и возвращение из нее, сделал все по обетованию Своему. *Недостойн я всех милостей и всех благодеяний, которые Ты сотворил рабу Твое-*

му. Глубокое, истинное смирение! Оно одно достойно предстоять Богу. Оно одно достойно беседовать с Богом: никогда оно не оставляется Богом. Ему внимает милостиво Бог, изливая обильные щедроты на молящегося со смирением. Изменилось, по мановению Божию, сердце Исава: доселе оно пылало враждой, теперь внезапно запылало любовью к брату. Исав кидает меч, бежит в объятия брата – и плачут два брата в объятиях друг у друга (Быт. 33).

Вот Иаков уже давно – в Ханаанской земле. Уже скончалась его любимая супруга, Рахиль, родами второго сына, Вениамина. Уже много скорбей испытал Иаков от буйных сыновей, которые вели себя в обетованной земле, как бы в земле, приобретенной завоеванием (Быт. 34–35). В окрестностях шатра его, раскинутого близ Хеврона, они пасли многочисленные стада свои, иногда уходя, и довольно далеко, на другие, более тучные пастбища. Иаков пребывал постоянно дома, где удерживали его и лета, и духовное преуспевание. Оно привлекало ум и сердце старца к Богу, и потому полюбил он уединение в шатре. Некогда и несродно такому человеку вдаваться в житейские попечения. Неотлучно при нем было его утешение – любимый сын, прекрасный душою и телом Иосиф. Услуга старцу-отцу и внимание глубокому святому учению отца-боговидца составляли все занятие, все наслаждение юноши. В душу его падало слово благочестия, как падает семя на тучную землю, и скоро принесло плод: засияла в душе Иосифа святая чистота. В чистоте сердца начина-

ет отражаться Бог, как в зеркале тихих, прозрачных вод отражается солнце. Добродетель Иосифа возбудила в братьях не соревнование, а зависть: так, по несчастью, всего чаще случается в человеческом обществе. Братья изобрели и вознесли злую клевету на Иосифа – какую именно, умалчивает Писание. Но пронизательный и благодатный Иаков не был обманут хитросплетенною выдумкою, он продолжал любить – любить Иосифа, и в знак особенной любви подарил сыну пеструю одежду. Яркость и разнообразие цветов особенно уважались и доныне уважаются на кочевом Востоке. Не была ли одежда эта символом испещренной противоположными обстоятельствами жизни, предстоявшей юноше? Вдохновение внушило прозорливому старцу изобразить пророчество не словом – символом: пеструю одеждою. Отсюда начинаются странные приключения Иосифа.

Он служит прообразом, дальнею библейскою тенью Господа нашего Иисуса Христа, а для деятельной жизни является примером благочестивого и добродетельного человека, подвергающегося разнообразным странным бедствиям, во время которых сохраняет он верность благочестию и добродетели, никогда и нигде не оставляется Богом, повсюду храним и наконец прославляется дивно. Послушаем, послушаем любопытное сказание о чудных и наставительных приключениях облеченного пророком-отцом в пеструю одежду.

Братья Иосифа, увидев, что отец их любит его более всех других сынов, возненавидели его: при каждом слове с ним,

при каждом взгляде на него закипало в них мрачное смущение (Быт. 37, 4). А он не понимал объявшего их недуга: чистая душа его видела всех чистыми, благонамеренными.

С доверчивостью открывал он пред ними сердце. Это незлобивое сердце уже избрано Богом в сосуд таинственных откровений. Благодать Святого Духа, сообразно юношеским летам Иосифа, начала являть свое присутствие и действие в знаменательных сновидениях. Живо рисовались таинственной рукою странные сновидения в девственном воображении. Иосифу было семнадцать лет, когда приснился ему первый пророчесственный сон. С откровенностью, не подозревающей никакого зла, он пересказывает его братьям: видно, сон оставил в душе юноши необычайное впечатление, которое нуждалось в объяснении. Он хотел вызвать, услышать это объяснение из уст старших братьев. «Привиделось мне, – говорил он им, – будто все мы вяжем снопы на поле; мой сноп вдруг поднялся и встал прямо, а ваши снопы обратились к снопу моему и поклонились ему». Братья отвечали: «Неужели ты будешь в самом деле царствовать над нами или сделаешься господином нашим?» И удвоили братья ненависть к нему за благодатный сон, за уязвившую их, перетолкованную, искаженную ими святую откровенность его. Иосиф видит новый сон. С детской невинностью, как бы в оправдание первого сна и в доказательство, что знаменательные сны приходят к нему невольно, независимо от него, рассказывает он сон отцу и братьям. «Видел я, – говорит он, – будто

солнце, луна и одиннадцать звезд поклонились мне». Отец, услышав рассказ сына, остановил юношу. «Что сон, виденный тобою? – сказал он ему. – Неужели я, мать твою и братья твои поклонимся тебе до земли?» (Быт. 37, 5–8). Опытный и духовный отец остановил сына не потому, чтоб признал сон его суетным мечтанием, собственным произведением души, недугующей высокоумием, но чтоб предохранить юную душу от впадения в высокоумие и вместе строгим замечанием сколько-нибудь погасить зависть и ненависть в братьях.

Так, христианские аскетические наставники заповедают не обращать особенного внимания на все вообще явления, представляющиеся чувствам душевным и телесным; заповедают соблюдать при всех вообще явлениях благоразумную холодность, спасительную осторожность. Бывают сновидения от Бога, чему служат примером и доказательством сны Иосифа, но состояние видящего сны и видения опасно, очень близко к самообольщению. Зрение недостатков наших – вот безопасное видение! Зрение падения и искупления нашего – вот нужнейшее видение! Дух сокрушенный и смиренный (ср. Пс. 50, 19) – вот состояние существенно полезное, чуждое самообольщения; состояние, о котором благоволит Бог! Рассуждение, способное постигать, расценивать и объяснять видения, свойственно одним преуспевшим в духовном подвиге; оно приобретает долгим временем, оно – дар Божий. Имел этот Божий дар святой Иаков: он остановил сына, рассказывавшего пророческое сновидение, а сам

– свидетельствует Писание – соблюдал в памяти слова его, носившие на себе помазание Духа.

Не такое действие произвел новый сон на братьев Иосифа: он только умножил в них ненависть и зависть к нему. Однажды они угнали стада в Сихем. Иаков сказал Иосифу: «Братья твои в Сихеме; хочу послать тебя к ним». Иосиф отвечал: «Я готов». «Пойди, – продолжал Иаков, – посмотри, здоровы ли твои братья и здоровы ли наши овцы. Потом воротись и скажи мне» (Быт. 37, 12–14).

Легко иногда расстаются люди; расставаясь, они как бы не расстаются; прощаясь, почти не прощаются. А такое прощание бывает часто прощанием навсегда; часто следует за ним продолжительная, исполненная горестей разлука. Не знал старец, отпуская Иосифа, что он долго-долго не увидит любимого сына! Мог ли он думать, что, посылая Иосифа к братьям, посылает его к убийцам? Ему была известна ненависть их к юноше, но могла ли ему прийти мысль, чтоб эта ненависть возросла до замысла, до заговора, до решимости совершить братоубийство? Незлобие старца было незлобие опытное – не то детское незлобие, которого исполнен был Иосиф, шедший прямо на нож, как агнец.

Мудрый Иаков, при всем духовном преуспейнии своем, при всей опытности, накопленной в многолетнюю страдальческую жизнь, не мог представить себе, чтоб буйные сыновья его были способны к ужасному преступлению братоубийства. Свойственно святыне не мыслить зла о ближних; ей

свойственно самых явных, открытых злодеев считать менее злыми, нежели каковы они на самом деле. И видим мы многих святых людей, не обманутых явным грехом – обманутых многою любовью своею, своею доверчивостью к ближним!

Старец! Надолго ты расстаешься с любимым твоим сыном, Иосифом! Ты имеешь дар и пророчества, и прозорливости; но на это время Бог, непостижимо устраивающий участь человека, закрыл от тебя будущее непроницаемую завесою. Ты отпустил Иосифа на несколько дней – увидишь его после многих скорбных годов. А он увидит землю Ханаанскую, то место, где раскинут шатер твой, когда настанут дни погребения твоего – и только на короткие дни этого погребения! Сюда принесут кости его; сюда возвратится с ними многочисленное потомство его и вооруженною рукой вступит во владение наследием праотца своего – теперь юноши Иосифа.

Пошел Иосиф из дома отцовского, из Хеврона, пришел в Сихем. Там уже не было его братьев. Он не знал, где найти их, и начал искать и расспрашивать. Внезапно встретился с ним незнакомый человек, который спросил его, кого он ищет. Иосиф отвечал ему: «Ищу братьев моих; скажи мне, не знаешь ли, где они со стадами своими?» Незнакомец отвечал: «Ушли отсюда; я слышал, они говорили между собой: пойдем в Дофан» (Быт. 37, 15–17). По словам этого человека, которого как будто судьба нарочно привела навстречу Иосифу, чтоб направить его к его предопределению, юноша начинает снова искать братьев – жертва жрецов своих – и на-

ходит их в Дофане. Издали узнали они его – начали стовариваться об убийстве. Раздались в собрании братьев ужасные слова о брате: «Вот идет сновидец. Убьем его и скажем: его съел хищный зверь. Посмотрим, что будет тогда с его снами!» Вслед за ужасными словами поднялись и преступные руки. Но Рувим, старший сын Иакова, отнял его у них. «Не будем убивать его, – сказал он им, – собственными руками! Спустите его в один из здешних рвов, рук же ваших не возлагайте на него!» (Быт. 37, 19–22). И помышлял смягчившийся Рувим возвратить старцу-отцу любимого сына. Они сняли с Иосифа пеструю одежду и бросили его в глубокий сухой колодец – живого в ужасную могилу. Во рву Иосиф, в челюстях смерти!.. Святой юноша, тяжким опытом начинается твоя духовная опытность! Чудная твердь души твоей, перенесшая такую лютую скорбь! Твердость в бедствиях дается непорочной, безукоризненной совестью. Научи нас стяжать и чистоту твою, и твердость – могучие опоры для сердца в превратностях жизни.

Иосиф во рву. Что делают братья? Они сели есть... Созревшая ненависть!.. Когда какая-нибудь страсть созреет в душе, душа уже не чувствует своего смертного недуга. Страшнее быть сердцем в этой глубине злобы, чем телом, при душе ангельской, во рву глубоком. Сыны Иакова совершили злодеяние, как бы исполнили долг: столько природнилась им ненависть к брату. *И сели они есть хлеб* (Быт. 37, 25), – говорит Писание.

Когда совершалась эта трапеза, конечно, на ней не присутствовало ничего доброго. Буйно совершалась она. Как иначе могли обедать убийцы? Громкий хохот прерывал страшное молчание: то был хохот души, которая сбросила с себя одежду стыдливости, наслаждается усвоившейся, насытившейся злобой. Выскакивали по временам адские слова – как бы из темной пропасти – из сердец, решившихся на братоубийство. Мрачны, зверовидны были лица обедающих. Зрение и слух их угрюмо, дико блуждали всюду. Не управляло уже здесь благоразумие. Какое благоразумие! Когда страсти овладеют человеком, тогда ум, лишенный своего владычества, служит угодливым и изобретательным слугой страстям для удовлетворения их лукавых, прихотливых, преступных требований.

Пируют сыновья Иакова над могилой с живым мертвецом, и вот мечущиеся взоры их внезапно усматривают путешественников. То были измаильтяне, купцы. Они показались от Галаада, на дороге к Египту. Их верблюды были обильно навьючены стираксой², бальзамом и ладаном: эти товары везли они для продажи в Египет. На бешеной трапезе услышался голос: *что пользы, если мы убьем брата нашего и скроем кровь его? Пойдем, продадим его Измаилътянам, а руки наши да не будут на нем, ибо он брат наш, плоть наша* (Быт. 37, 26–27). Голос этот был голос Иуды, четвертого в сынах Иакова. Иуда предложил продажу брата-праведника.

² Благовонная смола.

Через многие столетия явится другой Иуда; он скажет о другом Праведнике, о самом Богочеловеке: *Что вы дадите мне, и я вам предам Его?* (Мф. 26,15).

Зазвенели златницы³... уже вытащен из колодца Иосиф и поспешно продан аравитянам. Ни одного спорного слова ни о цене, ни о пленнике не произнесено ни с той, ни с другой стороны. Не умолчало бы Писание о достойном памяти слове, если бы оно было сказано. Писание в этой повести передает и те слова, которые сколько-нибудь стоят замечания. Звучат златницы... их было двадцать. Как схож звон этот со звоном тридцати сребреников!.. Блаженный юноша, проданный за двадцать златниц! Ты удостоился быть прообразованием Проданного за тридцать сребреников!

Рувима не было за обедом. Не был он участником в умысле и заговоре преступном; не был и на пиру, на котором праздновалось удавшееся злодейство. Тайно приходит он ко рву и зовет погребенного. Нет ответа. Опять зовет... Нет ответа! В отчаянии он рвет на себе одежду, прибегает к братьям, говорит им: «Нет юноши во рву! Куда теперь денусь я?..» (Быт. 37, 29–30). В ответ зазвучали златницы. Их было двадцать: девять братьев, присутствовавших при продаже, доказали, что они не забыли отсутствовавшего десятого.

Между тем сыновья Иакова придумывали, как скрыть от старца-отца поступок свой с Иосифом. Они закололи коз-

³ Вообще монета (ср. Мф. 22, 19) или золотая монета (ср. Быт. 24, 22; Чис. 7, 86; 4 Цар. 5, 5; Неем. 7, 70).

ленка, в крови его обагрили пеструю одежду и послали ее отцу с жестоким вопросом: «Мы нашли это; узнавай – одежда ли это сына твоего или нет?» Он узнал ее; он сказал: «Эта одежда сына моего: зверь лютый съел его! Лютый зверь похитил Иосифа!» Растерзал Иаков на себе одежды, надел на себя рубище и многие дни оплакивал сына (Быт. 37, 31–34). Собрались к нему сыновья и дочери; они утешали старца. Но он не хотел утешиться, говорил: *с печалью сойду к сыну моему в преисподнюю* (Быт. 37, 35). Долго повторял он эти слова и долго плакал.

Измаильтяне привели Иосифа в Египет (Быт. 39), там перепродали его Потифару, вельможе фараона (фараонами именовались цари египетские), начальнику телохранителей царских. И Господь был с Иосифом, таинственно бдел над ним, помогал ему. Скоро заметил господин благословение Неба над рабом своим и очень полюбил его. Следствием этой особенной любви было то, что Потифар вручил Иосифу управление всем домом своим и всем именем. Господь, ради Иосифа, благословил достояние египтянина: излилась благодать Божия на все имение его, на дом его и на поля его. Потифар предался расположению своему со всею беззаботливой доверчивостью, даже сам не осматривал ничего, не обращал ни на что внимания. Иосиф был очень статен, прекрасен собой. Красота его привлекла взоры жены Потифара. Страсть объяла ее: открыто, прямо объявила она юноше страсть свою. Юноша не согласился на беззаконие. Он

увещевал жену, пылавшую безумным и преступным вождением; он говорил ей: «Господин мой так вверился мне и так почил на моих заботах, что даже не знает ничего, что у него в доме. Все добро свое он сдал безотчетливо в мои руки: в его доме нет никого выше меня; все в моем ведении, кроме тебя, супруги его. Как же мне поступить по словам твоим? Как мне согрешить пред Богом?» (Быт. 39, 8–9). Не слышит преступная жена мудрых слов сына Иаковлева: другое говорит в ней овладевшая ей страсть. Она слышит только голос страсти: слова Иосифа пролетели мимо слуха ее, как пустые звуки, без смысла и значения. От времени до времени повторяет жена предложение, всегда с одинаково открытой, пламенной наглостью. Однажды Иосиф занимался в доме по должности своей; случилось, что тут никого не было из домашних, за исключением госпожи. Она схватывает его за одежду, умоляет, требует, чтоб желание ее было тут же исполнено. Иосиф вырывается из рук ее, убегает; верхняя одежда его осталась в руках египтянки. Неудовлетворенная преступная любовь внезапно превращается в бешеную ненависть: та, которая за минуту искала насладиться прелестями прекрасной плоти, теперь неистово жаждет напиться кровью. Вопиет исступленная египтянка, громким визгом и криком сзывает домашних. Прибегают они. «Глядите, – говорит им египтянка, – этот молодой еврей введен в дом наш, чтоб поругаться над нами!.. Он пришел ко мне... Он сказал мне... Я закричала громким голосом... Услышав вопль мой,

он убежал от меня... Вот верхняя его одежда в руках моих!» (Быт. 39, 14-15). Она сохранила эту одежду до возвращения Потифара. В другой раз одежда – немой, услышанный лжесвидетель на Иосифа. Когда возвратился вельможа, жена пересказала ему событие. Она говорила жалобно и тихо. «Ко мне приходил молодой еврей, которого ты ввел к нам, чтоб обесчестить нас, и предлагал мне беззаконие. Когда же я громко закричала, он убежал, оставив у меня свою верхнюю одежду» (Быт. 39, 16–18). Услышав сказание правдоподобное, в котором простотой и холодностью рассказа искусно прикрывались страшная буря душевная и адская клевета, видя в руках жены доказательство происшествия – одежду Иосифа, доказательство, против которого, по-видимому, не было опровержений, Потифар пришел в сильное негодование. Расспросы и суд признал он излишними, ненужными – так преступление раба в глазах его было ясно, живо, очевидно. Он велел ввергнуть Иосифа в темницу, в которой содержались государственные преступники, в твердыню – так называет эту темницу Писание.

Господь, избравший Иосифа с дней его детства, Господь, помогавший ему в плену и в доме Потифара, не оставил его и в темнице. Расположилось к Иосифу сердце начальника темницы: он вверил юному узнику всю темницу, всех узников, заключенных в ней, и, подобно Потифару, почил со всею доверенностью на заботах Иосифа. Спустя несколько времени провинились пред египетским царем двое вельмож его: ста-

рейшина виночерпий и старейшина над хлебами (Быт. 40). Разгневанный фараон заключил их в ту же темницу, в которой содержался Иосиф. Начальник темницы поручил их Иосифу. Когда они пробыли несколько дней в темнице, в одну и ту же ночь каждый из них увидел сон. Утром приходит к ним Иосиф и замечает, что они оба в смущении. Он спрашивает вельмож фараоновых: «Отчего на лицах ваших печаль?» Они отвечают: «Каждый из нас видел сон, но некому истолковать снов наших». Иосиф сказал: «Не Бог ли дает дар изъяснять те сны, которые посылаются от Него? Расскажите мне сны ваши» (Быт. 40, 6–8).

Из слов Иосифа видно его духовное преуспеяние, плод искушений. Когда в детстве он видел сны, то ощущал только, что в них есть значение, и пересказывал их отцу и братьям, как бы ища объяснения, но не смея присовокуплять никакого толкования. А здесь едва услышал, что старейшины видели сон, и уже надеется найти разрешение загадочных сновидений в Боге, к Которому он приблизился, Которому усвоился скорбями, верой, чистотой, молитвой. Сны ввели его в горнило скорбей; сны выведут его из этого горнила, в который Промысл обыкновенно ввергает людей, предназначенных им для дел великих. Начал старейшина виночерпий рассказывать сон свой. «Привиделось мне, – сказал он, – что передо мною виноградный сад; в саду вижу три лозы, сочные, пустившие отрасли и давшие зрелый плод. Чаша фараонова была в руке моей. Я взял кисть винограда, выжал сок в чашу

и подал ее фараону». Иосиф отвечал: «Вот значение этого сна: три лозы – три дня. Пройдут еще три дня, и вспомнит фараон о тебе, возвратит тебе прежний сан твой старейшины виночерпия: ты будешь подавать чашу фараону по-прежнему. Тогда, в благополучии твоём, вспомни обо мне. Окажи мне милость: поведай обо мне фараону и изведи меня из этих угрюмых стен. Я украден из еврейской земли и здесь не сделал ничего худого, а меня ввергли в эту ужасную темницу». Старейшина над житницами, услышав истолкование благоприятное, также пересказал свой сон Иосифу. «И я, – говорил он, – видел сон. Мне представилось, что держу на голове три корзины с хлебами.

В верхней корзине было всякого рода печенье, употребляемое фараоном. Внезапно налетели птицы, начали клевать печенье». Иосиф отвечал: «Вот значение сна: три корзины – три дня. Пройдут еще три дня – и снимет фараон с тебя голову твою! Труп твой повесят на дереве; птицы небесные съедят тело твоё». Настал третий день: это был день рождения фараона. Он дал пир своим придворным; в беседе с ними вспомнил царь о двух заключенных старейшинах: старейшине виночерпию возвратил прежний сан, и тот снова стал подавать чашу фараону, а старейшину над житницами велел казнить, по предсказанию Иосифа. И забыл старейшина виночерпий об Иосифе (Быт. 40, 9-23). Еще нужно было праведнику томление в темнице! Еще нужны ему были уединение и мрак тюрьмы, чтоб душа его глубже погрузилась в мо-

литву, ею еще более приблизилась к Богу, еще светлее озарила разумом духовным.

Прошло два года, – фараон видит сон (Быт. 41). Ему представилось, будто он стоит при реке: вот выходят из реки семь коров, тучных, прекрасных, и стали ходить по прибрежному пастбищу. За ними вышли из реки другие семь коров, тощих, неприятного вида, – тоже начали ходить с первыми по берегу реки. Внезапно тощие коровы пожрали тучных, и не заметно было, чтоб тучные взошли в них: они сохранили свой прежний вид изнурения. Проснулся фараон. Потом опять засыпает, – видит другой сон: видит, будто из одного стебля выросли семь колосьев, наполненных зрелыми зернами, за ними выросли другие семь колосьев, тонких, как бы иссушенных зноем и ветром. Эти тонкие колосья поглотили в себя семь первых полных колосьев. Проснулся фараон; смутилась душа его; с наступлением утра он приказывает созвать всех ученых и мудрецов Египта и пересказывает им сон свой. Но они не могли истолковать сновидения, производшего в царе задумчивость и смущение. Тогда старейшина виночерпий сказал фараону: «Теперь вспоминаю согрешение мое! Когда ты, царь, прогневался на рабов твоих, на меня и на старейшину над житницами, повелел заключить нас в темницу, которая при доме начальника телохранителей, каждый из нас в одну и ту же ночь увидел сон. Там с нами был молодой еврей, раб начальника телохранителей, мы рассказали ему сны свои, и он истолковал их. Мне предска-

зал возвращение сана, а товарищу моему – казнь. Так и случилось с обоими нами» (Быт. 41, 9-13).

Фараон послал в темницу за Иосифом, велел привести его к себе. Вывели Иосифа из темницы: вывела его рука Божия. По обычаю страны остригли ему волосы, переменяли на нем одежду: он предстал пред лицо фараона. Египетский царь пересказал ему сны свои и жаловался на мудрецов, что они не могли истолковать этих видений. «Я слышал о тебе, – говорил фараон Иосифу, – что ты объясняешь сны, когда тебе перескажут их». Иосиф отвечал: «Без Бога не может фараон получить удовлетворительного ответа». Невольно Иосиф обнаруживает свое духовное состояние! Он исповедует явное, чудное, существенное Божественное действие, действие Святого Духа, не зависящее от человека, посещающее человека по высшей воле и открывающее ему тайны. Это невидимое общение с Богом, это благодатное действие ощущал в душе своей Иосиф: до такой высоты духовного преуспевания возвели его постоянство в добродетели, бедствия, страдания, или, правильнее, благодать Святого Духа, осеняющая постоянно добродетельных, в особенности же страдальцев невинных. «Оба сна твои, – сказал он фараону, – имеют одно значение; сны твои – один сон. Семь коров тучных предзнаменуют семь лет плодородных; семь полных колосьев предзнаменуют то же. Семь коров тощих и семь колосьев иссохших означают семь лет голода. Бог показывает фараону то, что Он вознамерился совершить. Наступят семь лет, в тече-

ние их будут в Египте обильные жатвы. Придут другие семь лет, и от скудости их забудется обилие первого семилетия. Голод поразит, сгубит землю. Самые следы предшествовавшего обилия изгладятся последующей за ним скудостью, потому что голод будет очень сильный. Дважды повторился сон фараона: это подтверждение изречения Божия и знак, что Бог ускорит привести в исполнение Свое определение. Царь! Высмотри у себя разумного человека и поручи ему землю Египетскую. Пусть в течение семи плодоносных лет собирается пятая часть всего урожая. Собираемая пшеница должна поступить в ведение фараона и храниться в городах. Таким образом составятся хлебные запасы для семи лет неурожайных и земля не погибнет от голода». Понравились слова Иосифа фараону и окружающим его. Фараон сказал им: «Где же нам найти другого человека, который бы, как этот, имел в себе Духа Божия? – потом, обращаясь к Иосифу, говорит ему: – Бог открывает тебе тайны, и потому нет человека, который бы сравнился с тобою мудростью и разумом. Будь главою в доме моем; пусть повинуются тебе все люди мои! Разве одним престолом я буду выше тебя. Ставлю тебя над всею землей Египетской» (Быт. 41, 14–41).

Фараон снял перстень с руки и надел его на руку Иосифа, облек его в червленую одежду, возложил на него золотую цепь и повелел посадить его на вторую колесницу свою: в ней возили нового сановника по городу; перед колесницей шел глашатай, возвещающий народу сан и власть Иосифа. То-

гда Иосифу исполнилось тридцать лет. Фараон женил своего наперсника на Асенефе, дочери жреца илиопольского, и переименовал его, назвав *Псомфомфаних*. Что бы значило это наименование? Оно значит *Спаситель мира*. Прообразовал Иосиф нисшествие на землю Богочеловека к падшему и заблудшему роду человеческому, когда послан был отцом к братьям, пасшим скот вдали от отцовского шатра. Прообразовал Его, когда был продаваем братьями иноплеменикам. Прообразовал Его погребение своим заключением в темнице; внезапным возвышением и славою своею прообразовал славу Его воскресения. Дочь жреца и лиопольского, вступившая в супружество с Иосифом, предызображала Церковь Христову, составившуюся из язычников. Спасением народа от смерти предзнаменовалось спасение человечества от смерти вечной. Раздаятель вещественного хлеба был пред изображением Того, Кто и *Хлеб, сшедший с небес*, и Раздаятель этого небесного хлеба (Ин. 6). Из среды таинственных ветхозаветных преобразований в первый раз услышалось утешительное имя: *Спаситель мира!* Дивно Промысл Божий предвещал великое дело Божие, искупление человечества, библейскими прообразовательными тенями. В какой дали времен начали являться эти тени! Как живо обрисовывали они истину! Какою таинственностью покрыты были для современников! Как они стали ясны, очевидны, когда Бог открыл человекам разумение вдохновенных Им Писаний.

Иосиф приступил к исполнению обязанностей, к которым

призвал его Сам Бог и которые, по устройению Божию, возложил на него владетель Египта. Он предпринял путешествие по всему Египту и, обозрев страну, сделал нужные распоряжения. Земля в продолжение семи лет давала обильную жатву. В течение этих семи лет Иосиф скоплял хлебные запасы, которые хранил в городах за надежным присмотром и стражею в обширных кладовых. Он собрал бесчисленное количество пшеницы: она лежала в складочных местах, подобно горам песку. В течение тех же плодородных семи лет Асенефа родила двух сынов. Иосиф назвал первенца Манассиею. Называя так, он включил в имя старшего сына глубокую мысль: *Бог дал мне забыть все несчастья мои* (Быт. 41, 51). Второго он назвал Ефремом, соединяя с этим именем другую глубокую и благочестивую мысль: *Бог сделал меня плодовитым в земле страдания моего* (Быт. 41, 52). Такие мысли заключают в себе эти имена по значению своему на еврейском языке.

Протекли семь лет плодородных, как проходит все, что подчинено времени; наступили голодные годы. По предсказанию Иосифа, голод начал свирепствовать по всей земле. Народ египетский возопил к фараону, прося хлеба. Фараон отвечал подданным: *пойдите к Иосифу и сделайте, что он вам скажет* (Быт. 41, 55). Иосиф отворил запасные житницы, начал продавать оттуда хлеб египтянам. Голод свирепствовал по лицу земли. Жители соседних стран, услышав, что в Египте продается хлеб, и утесняемые голодом, начали

приезжать в Египет для покупки пшеницы. Мудрый, предусмотрительный правитель заготовил запасной хлеб в количестве, способном не только прокормить свой народ, но и привлечь деньги других народов в египетское государство.

В числе прочих земель, угнетенных голодом, томилась земля Ханаанская. Терпело недостаток в пище и семейство святого патриарха. Слух, что в Египте продается хлеб, дошел до старца (Быт. 42). Он сказал сыновьям своим: «Я слышал, есть пшеница в Египте; что вы не обратите на это внимания? Сходите туда, купите сколько-нибудь хлеба для поддержания жизни нашей; иначе – чтоб не пришлось нам умереть с голоду». Повинуясь воле отца, десять братьев Иосифа отправились в Египет для покупки хлеба. Вениамина не отпустил Иаков с братьями; он сказал: «Чтоб не случилось с ним на дороге чего худого» (Быт. 42, 1–4).

Прибыв в Египет, сыновья Иакова пришли с прочими покупателями на то место, где продавался хлеб. Продажею хлеба занимался сам Иосиф. Когда братья предстали перед ним, он тотчас узнал их, но они нисколько не подозревали, что стоят перед братом, проданным в рабы за двадцать златниц. И как им было узнать его? Когда они расстались с ним, ему едва минуло семнадцать лет; теперь он приближался к сорокалетнему возрасту. Измененный годами, он не менее изменен был величием и блеском сана, первого в царстве Египетском, которое опередило почти все другие государства образованностью, могуществом, внутренним устройством. Пред-

став перед Иосифом, братья низко поклонились ему челом до земли. Иосиф вспомнил сны свои... Мудрый, добродетельный Иосиф! Он отложил до другого времени объявить себя братьям. Сколько эта великая душа имела над собой власти! Не снеслось ли сердце его желанием тотчас дать о себе радостнейшую весть престарелому, святому родителю, который более двадцати лет ничего не знал о нем и, считая погибшим безвозвратно, печалился неутешно? Он не внимает влечению милостивого, великодушного сердца, избирает образ действия, необходимо нужный для пользы и своей, и братьев своих. Иосиф знал грубые, необузданные нравы этих людей; то были полудикие пастухи, выросшие на кочевьях, прошедшие всю жизнь при стадах, на приволье буйной свободы, под открытым небом, в безлюдных пустынях. Они не знали никакой власти над собой: отцу оказывали неповиновение; причиняли ему частые оскорбления; всякое пожелание свое, как бы оно преступно ни было, приводили в исполнение; руки их нередко бывали обогрены кровью невинных. Такими изображает Писание сыновей Иакова. Им нужен был урок. Для собственного благополучия их необходимо было познакомить их с покорностью, с благонравием. Жестокие души, привыкшие попираť совесть и страх Божий, иначе не могли быть потрясены, приведены в чувство и самопознание, как пыткой страха человеческого. Предвидя продолжительный голод, Иосиф предвидел и необходимость переселения семейства Иаковлева из Палестины в Египет.

Не поэтому ли он назвал братьев своих при первом их приезде в Египет соглядатаями?.. Если б братья его внесли с собой в новое отечество свою необузданность, свое буйство, скоро навлекли бы на себя негодование египтян; скоро низринулось бы благополучие семейства Иаковлева, благополучие самого Иосифа; семейство это и он подверглись бы величайшим бедствиям. Приобретенное долговременными страданиями должно было оградить, сохранить мудрым поведением.

Иосиф обошелся с братьями важно, сурово, как строгий властелин. «Откуда вы?» – спросил он их. Они отвечали: «Из земли Ханаанской: пришли купить хлеба». Он возразил: «Вы соглядатаи: пришли высмотреть нашу страну!» Они отвечали: «Нет, господин! Рабы твои пришли купить хлеба. Все мы братья, сыновья одного старца. Мы пришли с мирным расположением: рабы твои не соглядатаи». Он сказал: «Нет, нет: вы пришли высмотреть землю!» Они отвечали: «Нас двенадцать братьев; рабы твои – из земли Ханаанской. Меньшой из нас остался при отце, а одного... не стало». Иосиф заметил: «В ваших словах есть ложь! Правду я сказал, что вы соглядатаи. Клянусь неприкосновенностью фараона, вы не выйдете отсюда, если меньшой брат ваш не придет ко мне. Этим вы должны оправдать себя. Пошлите одного из среды вас, пусть приведет брата. Вы же останетесь здесь под стражею, доколе не объяснится, справедливы ли слова ваши или нет. Если они окажутся несправедливыми... Клянусь непри-

косновенностью фараона, вы соглядатаи!» – и с этими словами отдал их под стражу (Быт. 42, 7-17).

Прошли три дня. На третий день он призывает их и говорит: «Я из числа боящихся Бога. Вот как поступите: если вы с мирным расположением, то идите, отвезите купленную вами пшеницу; один же из вас будет удержан здесь под стражею. В следующий раз приведите ко мне брата вашего: этим вы докажете истину слов ваших. Если же не приведете меньшего брата, то не увидите лица моего!» (Быт. 42, 18–20). Иосиф говорил с братьями своими при посредстве переводчика. Он еще не отпустил их окончательно, и, в то время как занялся с другими покупателями, сыновья Иакова начали потихоньку беседовать между собой на еврейском языке. Могли ли они предполагать, что грозный египетский вельможа понимает их! А он напряженным слухом и вниманием следит за каждым словом; каждое их слово уловляет душа его, полная святой любви, действующая со святой, спасительной мудростью. «Право, – говорили друг другу сыновья Иакова, – преследует нас грех, который мы совершили над братом нашим! Мы пренебрегли глубокой скорбью его, мы не послушали его, когда он умолял нас. За него пришла на нас эта напасть!» Рувим сказал прочим: «Не говорил ли я вам: не обижайте юношу? Вы меня не послушали: вот кровь его взыскивается» (Быт. 42, 21–22).

Пронзали чувствительное сердце Иосифа слова братьев. Он вышел на минуту от них и облегчил обременившееся

сердце потоками слез. Потом опять пришел к ним, избрал из среды их Симеона, приказал возложить на него пред глазами их оковы. В поступках мудрого Иосифа все имеет свою причину. О причине, по которой цепи сделались уделом дикого и свирепого Симеона, не другого кого из братьев, умалчивает Писание; но из того же Писания видно, что именно ему нужен был более строгий урок. Все десять братьев позволяли себе тяжкие проступки, но Симеон запятнал себя ужасным убийством сихемлян, чем подверг все семейство святого патриарха страшной опасности, от которой оно было избавлено особенным заступлением Промысла. И не его ли руки поднимались на другое убийство, более ужасное и преступное?.. Иосиф отдал тайное приказание наполнить пшеницею мешки братьев и в мешок каждого вложить деньги, отданные за пшеницу, сверх того дать им на дорогу пищи.

Видно, каждый отдельно заплатил за взятую им пшеницу: это черта – одна из тех, которыми изображаются перед нами отдаленные обычаи библейской древности.

Навьючив ослов пшеницей, сыновья Иакова отправились в обратный путь. На первом стану один из них, с намерением накормить осла, снял с него мешок, который как-то развязался, – и увидел узелок своих денег в мешке поверх пшеницы. Он закричал братьям: «Мои деньги мне возвращены! Вот они... в мешке моем». Ужаснулось сердце их; они смутились и говорили друг другу: «Что Бог творит с нами?» (Быт. 42, 27–28).

Прибыв в землю Ханаанскую, к отцу, они рассказали все случившееся с ними, говорили:

«Муж, господин земли той, обошелся с нами очень сурово, даже посадил нас в тюрьму как соглядатаев. Мы сказали ему: «Нет! Господин, мы не соглядатаи! Мы пришли с мирным расположением. Нас двенадцать братьев, мы сыновья отца нашего; одного из нас... не стало, а меньшей при отце, в Ханаанской земле». Отвечал нам тот муж, господин земли: «Вот что будет для меня доказательством, что вы не соглядатаи, а люди с мирным расположением: одного из вас оставьте здесь, у меня, сами, взяв купленную для дома вашего пшеницу, идите; но меньшого брата вашего приведите ко мне. По этому узнаю, что вы не соглядатаи, но люди мирные, и тогда отдам вам брата вашего, остающегося у меня теперь заложником, и вы будете торговать свободно в Египетской земле». Когда они высыпали пшеницу из мешков, у каждого вместе с пшеницею выпал узелок с его деньгами, отданными за пшеницу. Увидев узелки своих денег, они испугались. Увидел эти узелки отец их и также испугался. «Вы, – сказал он им, – сделали меня совсем бездетным! Иосифа нет, Симеона нет, и Вениамина ли хотите взять? За вас обрушились на голову мою все эти беды».

Рувим отвечал ему: «Двух сыновей моих убей, если не приведу Вениамина к тебе обратно». Старец отвечал: «Не пойдет сын мой с вами! Брат его умер; он остался один: если случится ему зло на дороге, в которую вы отправляетесь, то

вы сведете старость мою с печалью в ад» (Быт. 42, 29–38).

Голод усиливался, усиливался, одолел землю (Быт. 43). Кончилась в доме Иакова пшеница, привезенная из Египта, и сказал старец сыновьям своим: «Сходите опять в Египет, купите нам сколько-нибудь хлеба». Иуда отвечал ему: «Муж, господин той земли, сказал нам, подтверждая клятвою слова свои, что мы не увидим лица его, если не придет с нами меньшой брат наш». Иаков заметил: «Зачем вы сделали это злое дело, зачем сказали мужу, что есть у вас брат?» Они отвечали: «Муж делал нам строгие и подробные допросы. Он выспрашивал: жив ли еще отец ваш? Есть ли еще у вас брат? Мы отвечали на вопросы его. Разве знали мы, что он скажет: приведите брата вашего?» Потом Иуда начал уговаривать отца своего: «Отпусти юношу со мною; мы встанем, пойдем, достанем хлеба на пропитание тебя и себя, чтоб нам не умереть с голоду. Я возьму на мою ответственность Вениамина: от моей руки взыщи его. Если не приведу его назад и не поставлю пред тобой, да будет гнев твой на меня во всю жизнь мою. Если бы мы не промедлили столько, то два раза успели бы побывать в Египте». На это сказал отец: «Когда уж так, то вот как сделайте: возьмите здешних произведений и принесите тому мужу в дар. Возьмите ладану, меду, стираксы и орехов. Возьмите двойные деньги, чтоб можно было возвратить деньги, найденные в мешках ваших: может быть, они попали туда по какому недоразумению. И брата вашего возьмите. Собирайтесь в путь и идите к мужу. Бог мой да

преклонит мужа к милосердию, чтоб он отпустил брата вашего и Вениамина. Я вполне сделался бездетным!» (Быт. 43, 1-14).

Сыновья Иакова взяли с собою дары и двойные деньги, отправились в Египет. Прибыв туда, предстали Иосифу. Увидел Иосиф Вениамина, брата своего по матери, – и возмутилась душа его. Он призвал управляющего своим домом и сказал ему: «Веди этих людей в дом мой и приготовь хороший обед: в полдень они будут обедать со мной». Домоправитель исполнил по приказанию Иосифа, повел братьев в дом его. Они, видя, что их ведут в дом Иосифа, говорили друг другу: «Нас ведут сюда по случаю денег, найденных в наших мешках, чтоб вознести на нас клевету, обвинить нас, взять в рабы и завладеть ослами нашими». Поэтому у ворот дома, не входя в них, они приступили к домоправителю и говорили ему: «Умоляем тебя, выслушай нас. Когда мы приходили в первый раз за покупкой хлеба и, взяв насыпанными наши мешки, отправились в обратный путь, – на первом стану развязали мешки наши и внезапно увидели деньги свои, каждый в своем мешке; эти деньги мы принесли теперь обратно, весом. А для покупки нового хлеба принесли другие деньги. Кто же отданное нами серебро за первый хлеб вложил в мешки наши, мы не знаем». «Успокойтесь, – отвечал домоправитель, – не опасайтесь ничего. Бог ваш,

Бог отцов ваших послал вам богатство в мешки ваши. А деньги, внесенные вами, значатся у меня в приходе и счита-

ются в числе полученных». Он вывел к ним Симеона. Потом была принесена вода, им умыли ноги, а ослам дали корму. Они выложили дары и, приготовив их, ожидали выхода Иосифова к полудню (Быт. 43, 15–25).

Когда Иосиф возвратился в дом, братья поднесли ему дары и поклонились челом до земли. Он спросил их: «Здоровы ли вы? – потом прибавил: – Здравствует ли старец, отец ваш, о котором вы мне сказывали? Неужели он жив еще?» Они отвечали: «Еще жив и здравствует раб твой, отец наш». «Благословлен этот человек пред Богом!» – сказал Иосиф. Они низко поклонились ему. Сыскав глазами между ними Вениамина, Иосиф спросил: «Это ли меньшой брат ваш, которого вы обещали привести ко мне? – и на утвердительный ответ их промолвил: – Бог да помилует тебя, дитя мое!» Смущен Иосиф, сильно забилося его сердце, слезы хлынули из глаз. Поспешно ушел он в свою спальню, там насытился слезными потоками, потом умыл лицо, вышел к братьям и, удерживая себя, сказал: «Предложите трапезу». Для него приготовлено было отдельно, и отдельно для сыновей Иакова, и отдельно для египтян, которые в тот день обедали у вельможи (Быт. 43, 26–32).

Египтяне, повествует Писание, не могли быть за одним столом с евреями; они, по своему поверью, гнушались всякого пастуха-овцевода. Сыновей Иакова посадили прямо против Иосифа, по годам их. Удивились они, увидя себя рассаженными по старшинству. Им подавали кушанья, каждому

отдельно часть его, части накладывал сам Иосиф, и Вениамину накладывал больше, нежели прочим братьям. Поставлено было и вино. Отлегло сердце у сыновей Иакова за трапезою роскошной и приветливой. Не привыкшие стеснять себя, пустынные пастухи поели досыта и выпили обильно. Эта трапеза прообразовала духовную трапезу Христа Спасителя, предлагаемую христианам на Божественной литургии. Господь благоволил соделаться братом нашим. Он приобрел владычество над миром – таинственным Египтом, – а братьям Своим, которые страждут под бременем греха, приготовил трапезу и напояющую державную чашу (ср. Пс. 22, 5) – пресвятое Тело Свое и пресвятую Кровь Свою. Христиане, причащаясь этой Божественной пищи, причащаются живота вечного, освобождаются от грехов и, в упоении наслаждением духовным, забывают скорби, гнетущие их при странствовании в Египте – в стране чужой, в стране изгнания. Эта страна, исполненная горестей и бедствий, видимых и невидимых, – жизнь земная.

Иосиф между тем отдал тайное приказание своим подчиненным: «Наполните мешки этих людей пшеницей, всыпьте больше, лишь бы в силах были увезти. Деньги каждого положите в мешок сверху пшеницы. В мешок меньшого вложите, кроме денег, и серебряную мою чашу» (Быт. 44, 1–2). Все было исполнено по приказанию Иосифа. Наступило утро: сыновья Иакова пустились в путь с навьюченными хлебом ослами. Когда они вышли из города и были еще недале-

ко, Иосиф говорит домоправителю своему: «Ступай скорее в погоню за этими людьми, настигни их и скажи: что это? Вы за мое добро воздали злом? Зачем вы украли мою серебряную чашу? Не та ли эта чаша, из которой пьет господин мой? Да в ней же он и гадает». Домоправитель, настигнув их, повторил от слова до слова приказанное Иосифом. Они отвечали: «Напрасно так говорит господин! Нет, рабы твои не сделали этого. Если деньги, найденные в мешках наших, мы принесли опять из земли Ханаанской, то с чего нам красть из дому господина твоего серебро и золото? У кого найдешь чашу, тот да будет казнен, и мы отдадимся в рабство господину нашему». Домоправитель отвечал: «Пусть будет по слову вашему: у кого найдется чаша, тот да поступит в рабы к господину моему». Они поспешно сняли мешки с ослов, и каждый развязал мешок свой. Домоправитель начал обыскивать со старшего, дошел до младшего; чаша нашлась в мешке Вениамина. В отчаянии они растерзали на себе одежды, положили мешки на ослов и возвратились в город (Быт. 44, 4-14).

Иосиф был в доме своем: они пришли к нему и пали пред ним на землю. «Что вы сделали? – сказал он им. – Разве вы не знали, что нет на земле гадателя, подобного мне?» Иуда отвечал: «Господин! Нам нечего отвечать тебе, нечего говорить, нечем оправдаться! Бог карает тайное согрешение рабов твоих. Отдаем себя в рабы господину нашему. Пусть будем рабами твоими мы и тот, у кого нашлась чаша». «Зачем мне, – сказал Иосиф, – быть несправедливым? Тот, у кого

нашлась чаша, пусть будет рабом моим, а вы идите свободно к отцу». Тогда Иуда, приступив к нему, сказал: «Господин! Умоляю тебя, позволь мне сказать пред тобою несколько слов и не прогневайся на раба твоего: я знаю, что ты второй по фараоне. Господин! Ты спрашивал рабов твоих, имете ли вы отца или брата? И мы сказали господину: есть у нас престарелый отец и меньшой брат, родившийся, когда уже отец был в преклонных летах. Их было два у матери: старший... умер; этот остался один, и отец полюбил его. Ты сказал рабам твоим: «Приведите его ко мне, хочу видеть его». Мы сказали господину: «Невозможно юноше оставить отца своего; если он покинет отца – отец умрет». Ты же сказал рабам твоим: «Если не придет меньшой брат ваш, то вы не увидите более лица моего». Когда мы пришли к рабу твоему, отцу нашему, то передали ему слова господина нашего. Отец сказал нам: «Идите опять, купите хлеба». Мы отвечали: «Нельзя нам идти! Если меньшой брат наш пойдет с нами, то пойдем, потому что без него мы не будем допущены пред лицо мужа». Твой раб, отец же наш, сказал нам: «Вы знаете, что жена моя родила мне двоих. Один пошел от меня к вам, вы сказали, что он съеден зверем, с тех пор и поныне я не видал его. Если и этого возьмете и случится с ним дорогою какое зло, вы сведете старость мою с печалью в ад». Итак, если я пойду теперь к рабу твоему, отцу нашему, а юноши не будет со мною – ведь душа его привязалась к душе... этого! – и увидит отец мой, что нет с нами юноши, он умрет.

И сведут рабы твои старость раба твоего, отца нашего, с печалью в ад. Я, раб твой, взял юношу у отца, сказав ему: «Если не приведу его к тебе и не поставлю пред тобою, пусть будет гнев твой на мне во все дни жизни моей». Пусть же я буду рабом твоим вместо юноши... Да! Рабом господину... А юноша пусть идет с братьями своими. Как мне идти к отцу без юноши? Не снести мне той горести, которая поразит отца моего» (Быт. 43, 15–34).

Иосиф не мог далее удерживать и скрывать себя (Быт. 45). Всем присутствующим он приказал выйти; даже из приближенных и домашних не было никого, когда он открыл себя братьям. Все удалились; тогда с плачем и воплем воскликнул Иосиф братьям: «Я Иосиф!.. Неужели еще жив отец мой?» Братья пришли в совершенное недоумение, не могли ничего отвечать ему. Иосиф сказал им: «Приблизьтесь ко мне». Они подошли к нему. «Я Иосиф, – повторил он им, – я брат ваш, которого вы продали в Египет. Не скорбите же, что вы продали меня сюда... Чтоб это вас не тревожило, не мучило! Бог, промышляющий о спасении вашем, послал меня сюда. Вот, второй год на земле голод, и еще осталось пять лет, в которые напрасно будут пахать землю, в которые жатвы не будет. Бог послал меня перед вами приготовить вам убежище на земле и прокормить наше многочисленное семейство. Не вы продали меня сюда: сюда послал меня Бог, сделал как бы отцом фараону, господином над всем домом его и владыкой всей Египетской земли. Поспешите возвратиться к отцу

моему и скажите ему: вот что говорит тебе сын твой, Иосиф: «Бог сделал меня господином Египта – приди ко мне, не медли. Ты поселишься в Гесемской земле, будешь близ меня, ты, и сыновья твои, и сыны сынов твоих, и овцы твои, и волы твои, и все стада твои. Я буду доставлять тебе пропитание, потому что еще в течение пяти лет будет голод на земле». Ваши глаза видят, и глаза Вениамина, брата моего, видят, что я моими устами говорю вам это. Расскажите отцу моему всю славу и власть, которые даны мне в Египте, которые вы видели собственными вашими глазами. Поспешите, приведите отца моего сюда». Он бросился на шею к Вениамину и, обняв его, плакал, и Вениамин обнял его и тоже плакал. Потом со слезами он обнимал всех братьев своих. Тогда открылись уста их, доселе запечатленные страхом и недоумением: они вступили в беседу с Иосифом (Быт. 45, 1-15).

Дошел слух до дома фараонова о прибытии братьев Иосифа; обрадовались фараон и двор его. Фараон сказал Иосифу: «Скажи братьям своим – так поступите: наполните мешки ваши хлебом, идите в землю Ханаанскую и, взяв отца вашего, переселитесь ко мне со всем именем вашим. Богатства Египта отворены для вас». Иосиф подарил братьям, каждому, по две перемены платья, а Вениамину пять перемен и триста золотых монет. Отцу своему он послал многие дары на десяти ослах и дал десять мулов с хлебом на дорогу. Одарив так братьев своих, он отпустил их; отпуская, сказал: «На пути не ссорьтесь между собою». Нужно было вольным пи-

томцам пустыни такое наставление: конечно, теперь они дали ему должный вес, помнили и сохранили его.

Возвратились сыновья Иакова в Ханаанскую землю, к отцу своему, сказали ему: «Сын твой Иосиф жив: он-то и управляет всею Египетскою землею». Ужаснулся Иаков, не поверил им. Они уверяли его, пересказывали в точности все слова Иосифа. Когда же старец увидел богатые дары и колесницы, посланные за ним Иосифом, тогда ожил дух его, и сказал Иаков: «Велико для меня, если жив еще Иосиф! Пойду, увижусь с ним, прежде нежели умереть мне» (Быт. 45, 16–28).

Патриарх поднялся со всеми домочадцами, со всем имуществом; достигнув так называемого Клятвенного колодца, принес близ него жертву Богу. В ночном видении Бог сказал старцу: «Иаков! Иаков! Я Бог отцов твоих. Не убойся переселиться в Египет: там произведу от тебя народ многочисленный. Я сойду с тобою в Египет, и Я выведу тебя оттуда. Иосиф своими руками закроет глаза твои» (Быт. 46, 1–4).

Семейство Иакова при переселении своем в пределы Египта состояло, включая сюда и Иосифа с его сыновьями, из семидесяти пяти душ мужеского пола. Достигнув Гесемской земли, он послал Иуду возвестить Иосифа о своем прибытии. Иосиф велел запрячь колесницы и выехал навстречу старцу-отцу в область Гесемскую; увидев его, кинулся ему на шею с воплем и рыданием. Иаков сказал Иосифу: «Теперь пусть умру, потому что я видел лицо твое: еще ты

жив!» (Быт. 46, 29–30).

Когда все семейство прибыло в Египет, Иосиф сказал братьям: «Пойду к фараону, извещу его о вашем пришествии, скажу: братья мои и весь дом отца моего, обитавшие в Ханаанской земле, пришли ко мне. Они – скотоводы: такое занятие нашего рода исстари. Они пригнали сюда и стада свои. Если призовет вас фараон и спросит, какое ваше занятие, отвечайте ему: мы, рабы твои, с детства и поныне занимаемся скотоводством, им занимались и отцы наши. А он скажет вам: поместитесь в Гесеме аравийском» (Быт. 46, 31–34).

Этот значительный участок плодороднейшей земли, очень удобный для скотоводства, никогда не был населен. Причиной помещения семейства патриарха в отдельной и необитаемой стране, говорит Писание, было известное поверье египтян, признававших нечистыми тех, которые занимались овцеводством. Иосиф доложил фараону, что отец его и братья со стадами своими прибыли из Ханаанской земли и остановились в стране Гесем. Из братьев он избрал пять человек и представил их фараону. Фараон спросил братьев Иосифовых: «Чем вы занимаетесь?» Они отвечали: «Мы, рабы твои, занимаемся овцеводством: это занятие было нашим с детства, и занятием отцов и праотцев наших. Ныне мы пришли обитать в земле твоей: в Ханаанской стороне крайне усилился голод, и тамошние пастбища недостаточны для стад наших. Позволь рабам твоим поселиться в земле Гесемской» (Быт. 47, 1–4).

Фараон отвечал, обратясь к Иосифу: «Отец твой и братья твои пришли к тебе. Пред тобой вся земля Египетская; посели их на лучшем месте. Пусть поселятся в земле Гесем. Если же между ними есть люди способные, то поставь их в старейшины над стадами моими» (Быт. 47, 5–6). Ввел Иосиф и Иакова пред фараона: старец благословил царя египетского. Фараон спросил Иакова о числе лет его. «Мне, – отвечал старец, – сто тридцать лет. Немного лет мне! Жизнь моя преисполнена бедствий: я не проживу столько, сколько прожили отцы мои». И, снова благословив царя, старец вышел от него (Быт. 47, 7-10). Иосиф исполнил все по приказанию фараона относительно помещения отца своего в земле Гесемской. Там часто любимый сын навещал старца – отца своего и доставлял ему все нужное для его содержания.

Очень занимательны разные подробности о гражданском устройстве Египта во времена Иосифа, сохранные для нас книгой Бытия. В этих подробностях виден образец, как первоначально возникали государства, как люди переходили из состояния дикой свободы в состояние подданства; как это подданство было сначала неполным и более подходило к патриархальному подчинению; как потом сделалось подданством безусловным; наконец, тут же видно, что учредителем самодержавного, или монархического, правления в Египте был мудрый, святой Иосиф. Тогдашний двор фараона хотя уже и представляет некоторое величие и пышность, но не успел еще уклониться от патриархальной простоты: его

высший царедворец лично занимается продажей хлеба; другой царедворец носит корзины с хлебом на голове своей, третий собственными руками выжимает сок из винограда в чашу, подает эту чашу царю не только во дни торжественных пиршеств, но, как видно, ежедневно. Народонаселение в Египте было еще очень незначительно, отчего целая плодородная область Гесем оставалась ненаселенной, а жители городов имели возможность заниматься пашней и скотоводством. Книга Бытия дышет юностью политического мира. Сказание боговдохновенного писателя этой книги, Моисея, своей естественностью переносит внимательного читателя в отдаленную, священную древность, к этим людям, жившим в чудной простоте, к этой недавно начавшейся жизни, чуждой всех утонченностей. Эта жизнь и эта простота полны силы! Кто погружается часто в созерцание библейских сказаний, тот непременно ощутил в душе своей особенное, странное впечатление. Это впечатление состоит в обонянии какой-то свежести, молодости, как бы от дыхания воздухом прекрасного летнего утра. Душа юнеет от пристальных взоров на юность мира, от беседы с юным миром; ее силы бодреют, укрепляются, как дух старца оживает среди общества детей. Приятно насладиться свежестью юного мира, отдохнуть в ней от впечатлений современного, дряхлого, рассыпающегося.

Сильный голод продолжался; особенно страдали от него Египет и Палестина: в этих странах ни у кого не было хлеба,

кроме заготовленного Иосифом. Не осталось ни золота, ни серебра в обеих землях: все деньги перешли в руки Иосифа, а он внес их в казнохранилище фараона, которое, нужно заметить, было в самом доме царя египетского. Египтяне, не имея денег, имели нужду в хлебе: они продали фараону прежде скот свой, потом земли, наконец, самих себя. Вот начало безусловного подданства в Египте. Только земли жрецов остались их собственностью: они получали хлеб от фараона безвозмездно, в подаяние. По окончании голодных лет, когда египтяне укрепили за фараоном и земли свои, и самих себя, Иосиф выдал им на посев семена, с тем чтоб они пятую часть урожая представляли ежегодно в дань казне. Эта вновь учрежденная мера относительно к дани и самый переворот относительно к власти были приняты с удовольствием и благодарностью народом новорождающегося самодержавного государства. «Сохранил ты жизнь нашу, – говорили египтяне Иосифу. – Ты благодетель наш; будем рабами фараону» (Быт. 47, 25). Писатель книги Бытия замечает, что эта дань оставалась неизменной и в его времена, то есть по истечении почти четырех столетий. Из сочинений несравненно позднейших писателей, Геродота и Диодора, видно, что тот же способ взимания податей продолжался до их времени, видно, что земля в Египте была собственностью царей египетских. Доходы царей египетских с земли, говорит Диодор, были столько удовлетворительны, что всякую другую дань с народа сделали ненужной. В этом распоряжении ви-

ден глубокий, светлый ум Иосифа, его необыкновенная способность к управлению, способность, которая обнаружилась в нем с самой юности и которую так скоро и справедливо заметили и начальник телохранителей, и начальник темницы. Он учреждает налог сильный, но чрезвычайно удобный для взноса по свойству страны. Какая дань свойственнее для плодородного Египта, как не дань хлебом? Легко было вносить ее там, где урожай обыкновенный.

Легко было доставлять с полей, лежащих при судоходной реке, каковы все поля Египта, расположенные по берегам Нила, в города с хлебными кладовыми, стоящие при той же реке. Легко было вознаграждать недоимки, которые могли случаться в неурожайные годы, уплатой в годы непомерного урожая. Если можно назвать какие урожаи непомерными, то название это преимущественно пред всеми урожаями мира принадлежит урожаям нив египетских. Сбыт хлеба внутри был вполне удобен для фараона из пристаней, лежавших при этой же судоходной реке.

Впоследствии, когда основались гавани и у Средиземного моря, на берегах которого обитал весь просвещенный и торгующий мир того времени, Египет стал житницей этого мира и оставался его житницею, доколе Средиземное море оставалось его центром; а оно было центром образованного, действующего мира почти до новейших времен, почти через всю жизнь мира. Установление Иосифа имело необыкновенную основательность при всей простоте своей, потому и бы-

ло долговечно. Самое время благоговеет перед мудрым государственным постановлением и через многие столетия хранит его в неприкосновенной, столь благотворной для государств неизменяемости. Через явное для всех государственное благодеяние Иосиф усилил и образовал власть фараонов, обеспечил новое государство капиталом и постоянными, обильными доходами.

Семнадцать лет прожил Иаков в земле Египетской и, достигнув 147-летнего возраста, почувствовал приближение кончины. За несколько дней перед смертью он призывает возлюбленного сына своего, Иосифа, и говорит ему: «Сделай надо мною милость и истину: не хорони меня в Египте. Да почию с отцами моими! Вынеси меня из Египта и похорони в гробе их» (Быт. 47, 29–31). Движимый верою – не каким-нибудь мелочным, земным пожеланием, – вдохновенный старец завещает перенесение тела своего в Палестину и погребение его в пещере Хевронской области. Так объясняет его завещание святой апостол Павел, упоминающий о словах этого завещания как о внушенных свыше и заключающих в себе глубокую таинственность (ср. Евр. 11, 21). Святой сын обещает свято исполнить волю святого отца. Иаков потребовал, чтоб обещание было скреплено клятвою, – и дал клятву Иосиф, тогда Иаков, сидевший на одре своем, поклонился на верх жезла Иосифова. Жезл был в руке вельможи или по тогдашнему обычаю, или как знак высокого сана.

По прошествии немногих дней известили Иосифа, что

отец его пришел в совершенное изнеможение (Быт. 48). Он взял с собою двух сынов своих, Манассию и Ефрема, отправился к умирающему отцу. Дряхлый старец лежал на смертном одре в расслаблении. Ему сказали: «Идет к тебе сын твой Иосиф». Старец собрался с силами, сел на одре. Укрепила ли его любовь к сыну? Или в эту минуту снизошло на него осеменение благодати? Умиравший ожил жизнью Божественного вдохновения. Часто в избранниках Божиих к естественному действию человека внезапно присовокупляется сверхъестественное действие Святого Духа. Это могущественное действие выводит человека из его обыкновенного состояния и делает орудием Божиим. Такими были предсмертные минуты Иакова. Когда Иосиф вошел к нему, он сказал ему: «Мой Бог явился мне в Лузе, в земле Ханаанской, благословил меня и сказал мне: «Я умножу тебя, произведу из тебя племена народов и дам тебе, а после тебя потомству твоему эту землю в вечное владение». На этом основании два сына твои, родившиеся тебе до пришествия моего в Египет, пусть будут моими. Ефрем и Манассия будут моими, как мои – Рувим и Симеон. Сыновья, которые родятся тебе после них, будут твоими и призовутся к наследию под именами этих двух братьев, в их участки. Мать твоя Рахиль скончалась в Ханаанской земле, когда я шел из Месопотамии и приближался к Еффрафе. Это то же, что и Вифлеем. Тут, по пути, похоронил я ее». Увидев сыновей Иосифа, он спросил его: «Кто это с тобою?» Иосиф отвечал: «Это сыновья мои, которых Бог

даровал мне здесь». И сказал Иаков: «Подведи их ко мне: я благословлю их». Глаза патриарха померкли от старости: он не видел ясно. Когда Иосиф подвел к нему детей, он обнял их, поцеловал их и сказал Иосифу: «Вот, я не надеялся увидеть лицо твое, а Бог показал мне и детей твоих». Иосиф отвел их от колен старца, и они поклонились ему до земли! Потом, взяв Ефрема в правую руку против левой Иакова, а Манассию в левую против правой Иакова, он подвел их снова к старцу; и простер вдохновенный старец руки для благословения, сложив их крестообразно: правую руку положил он на голову Ефрему, а левую на голову Манассии (Быт. 48, 1-14).

В первый раз является при благословении крестное знамение, обычное знамение благословения в Новозаветной Церкви! «Бог, – говорил святой патриарх, – Бог, Которому благоугодили отцы мои Авраам и Исаак, Бог, покровительствующий и помогающий мне с младенчества моего и доселе, избавляющий меня от всех напастей, да благословит этих детей! Да назовутся они по имени моему и по имени отцов моих Авраама и Исаака; да произойдет от них многочисленное потомство». Когда Иосиф увидел, что старец наложил правую руку на голову Ефрема, это показалось ему неправильным; он взял отцовскую руку, чтоб переложить ее с головы Ефрема на голову Манассии, и сказал: «Отец мой! Ты не так положил руки. Вот первенец: на него возложи правую руку». Старец не захотел этого сделать. «Знаю, – сказал

он, – сын мой, знаю: и от этого будет многочисленное потомство, и этот будет велик. Но меньшей брат его будет больше: потомство его составит целый народ». Он снова благословил их. «В вас, – сказал он, – да благословится Израиль! Будут говорить: да совершит Бог над тобою то, что Он совершил над Ефремом и Манассиею». А Иосифу сказал: «Я умираю. Бог будет с вами и возвратит вас из этой земли в землю отцов наших. В той земле даю тебе участок лишний перед братьями твоими: его взял я у аммореев мечом и луком моим» (Быт. 48, 15–22). Слово мужей духоносных, замечает один великий наставник аскетов⁴, подобно слову престарелого Иакова: они словом своим передают слушателям духовную силу, живущую в них, приобретенную ими в борьбе с грехом, победами над невидимыми аммореевцами – помышлениями и ощущениями порочными.

Час кончины святого патриарха приближался. В этот предсмертный час излился на него обильно Святой Дух и как бы вполне овладел им. В те последние минуты земной жизни, в которые душа готова была выйти из обветшавшего тела, низшел Дух Божий, остановил разлучение, излил в отходящую душу, в остающееся тело жизнь благодатную. Умирающий ожил жизнью будущего века. Поспешно потребовал к себе старец всех сыновей своих; поспешно они стеклись к нему, окружили его (Быт. 49). Он еще сидел на одре. Когда они собрались, Иаков произнес им вдохновенное, проро-

⁴ Преподобный Исаак Сирин.

ческое завещание. Это завещание дышит юношеской силой и поэзией, вечной юностью небожителей и святой поэзией их. Тут нет человека! Тут язык человека был только орудием. Так и слышен говорящий Бог. Так и слышен Бог, изрекающий волю Свою, с властью распоряжающийся будущими судьбами человека и их отдаленного потомства! Завещание патриарха – небесная песнь, воспетая Духом во всеуслышание мира. Эта песнь возвещает миру Искупителя и народам, погруженным в и до л о с л ужение, озарение светом Христианства.

«Соберитесь, – сказал умирающий старец сыновьям своим, сказал как бы уже из области того века, – соберитесь, окружите меня; я возведу вам будущее. Соберитесь, сыны Иакова, послушайте меня, послушайте Израиля, послушайте отца вашего». Рувим устраняется от прав первенства за угождение чувственности; не получили их Симеон и Левий. Их склонность к кровопролитию поражена проклятием, потомству их суждено рассеяние по племенам прочих братьев. Над Иудею разверзлось все обилие благословения: ему обещано гражданское могущество, знаменитость, первенство между братьями, в особенности же ему предопределено быть праотцем Спасителя, Который, – как возвестил пророчествующий старец, – ожидание народов. Вдохновенный патриарх изрекал благословение сыновьям, отдельно каждому, исчисляя сыновей по старшинству. Достигнув имени Иосифа, он снова призвал на него и на его потомство

благословение неба и земли. Верно и сильно выразилось это благословение в том благоденствии, которым впоследствии пользовалось многочисленное потомство Иосифа (Быт. 49, 1-27).

С окончанием пророческого завещания речь Иакова изменилась: уже не одушевляют ее восторг, торжественность, небесное величие. Она подобна телу, оставленному душою. Бог, говоривший устами старца, прекратил Свои таинственные вещания, умолк вдохновенный пророк: начинает в изнеможении говорить умирающий старец. «Я обращаюсь, – были последние слова Иакова, – к людям моим: погребите меня в пещере, которая на поле Ефрона хеттеянина. Там похоронены Авраам и Сарра; там похоронены Исаак и Ревекка; там похоронил я Лию». Сказав это, Иаков положил на одр ноги и скончался. Он *приложился к народу своему*, говорит Писание (Быт. 49, 33), к тем святым праведникам, которых земля произвела и воспитала для неба, которых она уже предала в область вечности.

Увидев, что Иаков скончался, Иосиф пал на лицо отца своего – целовал лицо, уста, запечатленные смертью, орошал это лицо обильными слезами (Быт. 50). Он повелел врачам приготовить тело, по обычаю Египта, к погребению. Врачи в течение сорока дней совершали приготовление, предохраняющее тела от гниения. Весь Египет участвовал в печали Иосифовой: семьдесят дней оплакивали египтяне кончину святого старца, родоначальника израильского. По проше-

ствии дней плача Иосиф испросил себе у фараона позволение исполнить завещание отца и свой клятвенный обет ему – похоронить драгоценное тело праведника в Ханаанской земле. Фараон пожелал, чтоб шествие его наперсника в землю Ханаанскую было сопровождаемо должным великолепием. Весь двор царя египетского, все вельможи его сопутствовали Иосифу; при них было множество колесниц и всадников. Все сыновья Иакова, все внуки его, способные к путешествию, участвовали в нем. Достигнув места погребения, они почтили священное тело семидневным плачем, *плачем великим* – так называет его Писание (Быт. 50, 10). То поле, на котором остановилось это многочисленное собрание и где оно совершало свой погребальный плач, называли жители страны «Плачем Египетским».

Исполнив обет, Иосиф возвратился в Египет. Еще продолжало беспокоить братьев совершенное ими над ним злодеяние. Они подозревали вельможу-брата в памятозлобии, а эта чистая, святая душа была способна только к благодати! Полагая, что Иосиф не хотел зрелищем мщенья возмутить спокойствие престарелого отца, что он отлагал мщение до удобного времени, они пришли к нему и сказали: «Отец перед кончиной заповедал: “Скажите Иосифу: прости им согрешение их, прости им неправду их: они совершили над тобой преступление, но ты прости им вину их ради Бога отцов твоих”» (Быт. 50, 17). Когда они говорили это, Иосиф плакал. Они пали перед ним и сказали: «Вот, мы отдаемся тебе в ра-

бы!» Великодушный Иосиф, Иосиф, достойный благословенный земли и неба, достойный благословения всего племени христианского, благословения всех читающих сказание его назидательных деяний, отвечал братьям: «Не бойтесь! Я – Божий. Вы сговорились сделать мне зло, а Бог совещал о мне благое. И исполнилось Его определение! Множеству людей доставлено пропитание, сохранена жизнь. Не бойтесь: я буду покровителем вашим и семейств ваших» (Быт. 50, 19–21). Живая вера в Бога и зрение чистым душевным оком Промысла Божия возносят человека превыше всех бедствий, превыше страшного душевного бедствия – памятозлобия и мести.

Книга Бытия умалчивает о дальнейших обстоятельствах жизни Иосифовой: вероятно, жизнь его протекла в тишине и нерушимом благополучии. Писание говорит только, что Иосиф остаток дней своих провел в Египте, видел внуков Ефремовых, видел сынов Махира, старшего сына Манассиина, и скончался ста десяти лет. Отходя в вечность, он завещал своим: «Я умираю; Бог посетит вас и выведет из этой земли в землю, которую Он обещал даровать вам. Тогда, при переселении вашем, возьмите кости мои отсюда с собою в землю обетованную» (Быт. 50, 24–25). Сделав это завещание, он почил; тело его, предохраненное от гниения, было положено в ящик, приготовлено к заповеданному перенесению. И три столетия ожидало тело Иосифа перенесения, о котором завещание было дано и принято с такой верой.

Жизнь и труды апостола Павла Свт. Иннокентий, еп. Херсонский

Умоляю вас: подражайте мне, как я Христу (1 Кор. 4, 16).

Благодарю давшего мне силу, Христа Иисуса, Господа нашего, что Он признал меня верным, определив на служение, меня, который прежде был хулитель и гонитель и обидчик, но помилован потому, что так поступал по неведению, в неверии... чтобы Иисус Христос во мне первом показал все долготерпение, в пример тем, которые будут веровать в Него к жизни вечной (1 Тим. 1,12–13,16).

Жизнь в иудействе

Павел (в переводе с латинского – «малый, меньший»), до обращения в Христианство – Савл («вожделенный»), один из величайших учителей Церкви Христовой, который после прочих апостолов обратился к вере в Иисуса Христа, но более каждого из них содействовал покорению державе Его всего мира, произошел от иудейских родителей, из рода Израилева, колена Вениаминова (Флп. 3, 5). Многие из отцов Церкви со свойственной им духовной проницательностью

находили в некоторых местах Ветхого Завета (особенно в 28-м стихе 67-го псалма) предсказания о происхождении Павла от этого колена. Выражение «Еврей от Евреев», употребленное Павлом в Послании к Филиппийцам (Флп. 3,5), чтобы указать свое происхождение, означает такого человека, между предками которого не было ни одного не обрезанного по обряду Моисееву – преимущество, стоившее того во времена апостола, когда многие из иудеев происходили от язычников, обратившихся в иудейство, или даже сами были некогда язычниками. Значительное образование, для получения которого Павел был намеренно послан в Иерусалим, знакомство в юных годах с первыми лицами в иудейской столице, утонченные общежительные познания, следы которого весьма часто встречаются в его посланиях (см. Флм.; 1 Кор. 10, 6; 2 Кор. 11, 1–6; 12, 11), заставляют думать, что он произошел не из низкого, по крайней мере, не из бедного сословия. Время рождения Павла при всех попытках установить его до сих пор остается неопределенным. Вероятно только то, что оно недалеко отстоит от времени Рождества Христова. Известно, что отечеством Павла был Таре (см. Деян. 9,11; 21, 39; 22, 3), главный город Киликии, лежавшей у Средиземного моря и составлявшей одну из цветущих областей Римской империи. Блаженный Иероним Стридонский сообщает, что родители Павла переселились в Таре из иудейского города Гиекала после того, как тот был взят и опустошен римлянами.

Семья Павла, как явствует из Деяний святых апостолов (см. Деян. 22, 28), обладала весьма важным в тогдашние времена правом римского гражданства. Откуда это право? По сказанию Диона Хризостома⁵, город Таре за свою приверженность Юлию Цезарю, стойкую жителей его великих бедствий от Кассия, получил в царствование Августа⁶ многие права и преимущества, из чего некоторые писатели и заключили, что все жители Тарса пользовались правом римских граждан. Но при перечислении этих преимуществ не упоминается о праве римского гражданства. Напротив, латинские писатели называют Таре только вольным городом, а вольность, как привилегия, гораздо ниже права римского гражданства. Притом если бы все жители Тарса имели право римского гражданства, то римский трибун, как описывается в Деяниях (см. Деян. 21, 39), знавший о происхождении Павла из этого города, не осмелился бы подвергнуть его без суда телесному наказанию и Павлу не было бы нужды во избежание пытки объявлять, что он римский гражданин. Вероятнее, что кто-нибудь из предков Павла приобрел своему потомству право римского гражданства или посредством услуг, оказанных кесарям во время междоусобий, или за деньги. По свидетельству Диона Кассия⁷, Юлий Цезарь

⁵ Дион Хризостом, или «Златоуст» (ок. 40 – ок. 120) – древнегреческий оратор, писатель, философ и историк.

⁶ Октавиан Август (63 г. до Р.Х. – 14 г. по Р.Х.).

⁷ Дион Кассий (155/164-229/235) – греческий историк, римский политический

даровал это право весьма многим чужестранцам. А Иосиф Флавий⁸ говорит, что иудеи очень охотно покупали его у корыстолюбивых римских правителей.

Гораздо важнее вопрос: получил ли Павел в юности греческое образование? Большая часть писателей, древних и новых, отвечали на него утвердительно. В самом деле, Таре настолько славился науками, что жители его, по замечанию Страбона⁹, соперничали в просвещенности с жителями Афин и Александрии и поэтому кажется сомнительным, чтобы родители Павла не воспользовались для образования своего сына теми средствами, которые находились у них, так сказать, под руками. Самые послания апостола Павла, по-видимому, дают основания предполагать в нем знание греческих писателей, поскольку он приводит в них стихи некоторых поэтов: Арата (см. Деян. 17, 28), Менандра (см. 1 Кор. 15, 32), Епименида (см. Тит. 1, 12). Несмотря на это, гораздо вероятнее, что образование, полученное Павлом в Иерусалиме, не было предварено изучением в Тарсе греческой мудрости, ибо Савл был отправлен в Иерусалим в самых юных

деятель, автор сочинения «Римская история» в 80 книгах.

⁸ Иосиф Флавий (ок. 37 – ок. 100) – еврейский историк, известен дошедшими до нас на греческом языке трудами – «Иудейская война» (о восстании 66–70 гг.) и «Иудейские древности» (где изложена история евреев от сотворения мира до Иудейской войны).

⁹ Страбон (64/63 до Р.Х. – 23/24 по Р.Х.) – древнегреческий географ и историк. Автор «Географии» (17 книг), являющейся итогом географических знаний античности, и «Исторических записок» (до нас не дошли).

летах. *Жизнь мою*, – говорит он, – *от юности моей, которую сначала проводил я среди народа моего в Иерусалиме, знают все Иудеи* (Деян. 26, 4). То же, без сомнения, означает и выражение: *воспитанный... при ногах Гамалиила*, которое применяет, говоря о себе, Павел (Деян. 22, 3).

Родители Павла принадлежали к фарисейской секте, а фарисеи, по словам Иосифа Флавия, гнушались не только науками, но и самым языком необрезанных. При тщательном рассмотрении посланий апостола Павла в самом образе их изложений открывается много доказательств того, что пишущий их не был знаком ни с каким другим образованием, кроме раввинского, бывшего в употреблении у тогдашних палестинских иудеев. Что же касается греческого языка, то из всего видно, что на нем пишет иудей, воспитанный в Палестине, привыкший к выражениям и словосочетанию еврейскому. Мнения греческих поэтов, приводимые Павлом, таковы, что могли быть известны всякому сколько-нибудь образованному человеку и без особенного упражнения в греческой литературе. Они походят на пословицы, которыми часто становятся некоторые стихи любимых писателей. Впрочем, апостол мог весьма часто слышать их во время своих путешествий по Греции, где лучшие стихотворцы перечитывались многими наизусть. Само общение его с уверовавшими язычниками доставляло ему много подобных сведений. Кроме того, мы знаем, что апостол посвящал свободное от трудов время чтению книг. Можно предположить, что меж-

ду этими книгами были и некоторые греческие. Павел, как видно из Деяний (см. Деян. 17, 23), почитал за нужное предварительно узнавать дух и нравы тех людей, которым намеревался проповедовать. В этом отношении многие греческие поэты могли быть ему весьма полезны.

Желание дать сыну лучшее образование, впрочем, в духе отечественной, иудейской религии, пример сограждан, которые имели обыкновение посылать своих детей путешествовать для усовершенствования себя в науках, и, может быть, родственные связи, которые родители Савла имели с жителями Иерусалима (см. Деян. 23, 16), расположили их направить своего сына для обучения в Иерусалим, который еще почитался тогда средоточием иудейской мудрости. Как сын фарисея, Савл присоединился к секте фарисеев и сделался учеником Гамалиила, знаменитейшего из тогдашних еврейских законоучителей. Если он тот самый Гамалиил, о котором упоминается в Деяниях (см. Деян. 5, 34), то он достоин быть наставником такого ученика, каким явился Павел. Отзыв его о христианстве показывает в нем человека здравомыслящего, который от Промысла и времени ожидает разрешения недоумений, возбуждаемых необыкновенными событиями, относящимися к религии, в твердой уверенности, что изобретение человеческое, сколько бы ни прикрывалось личиной Божественного происхождения, не может долго выдерживать характера Божественности и с продолжением времени исчезает само собой (см. Деян. 5, 35–39).

Юный Савл был тщательно наставлен в отеческом законе (ср. Деян. 22, 3), чего и надлежало ожидать, судя по знаменитости его наставника. Чрезвычайные дарования вскоре выделили его среди сверстников, и немногие могли соперничать с ним в разумении фарисейского богословия (см. Гал. 1, 14). Природная доброта сердца, а может быть, и пример наставника были причиной того, что Савл, несмотря на юные свои лета, когда обыкновенно любят более узнавать, нежели исполнять познанное, старался вести жизнь неукоризненную (см. 2 Тим. 1, 3) и был по правде законной непорочен (ср. Флп. 3, 6).

По обыкновению тогдашних иудеев обучать детей своих какому-нибудь искусству, Савл с упражнением в науках соединял упражнение и в ремесле. Евангелист Лука называет его делателем палаток (см. Деян. 18, 3). В чем бы ни состояло это искусство (ибо мнения о нем не совпадают), из истории путешествий апостола видно, что он мог заниматься им всюду, куда ни приходил, и что платы за труды доставало на содержание его вместе с сотрудниками в деле проповеди.

Апостол Павел сам некоторым образом характеризует дух образования, полученного им от Гамалиила, когда учение фарисейское называет строжайшим в отеческом вероисповедании (см. Деян. 26, 5). Нравственность фарисеев в Новом Завете проявляется, по большей части, в безобразном виде: они везде изображаются лицемерами, которые под личиной строгой набожности скрывают сердца, исполненные гордо-

сти и корыстолюбия – черты, без сомнения, взятые с натуры! Впрочем, основатели фарисейской секты могли производить и благопристойные впечатления. В сочинениях раввинов, которые обычно держались фарисейства, часто встречаются изящные правила нравственности. В творениях Иосифа Флавия, который также принадлежал к фарисеям, большей частью господствует здравый образ мыслей и нередко чистое нравственное чувство. Если в среде фарисеев многие только носили личину благочестия, то некоторые, вероятно, все же были тем, чем другие хотели только казаться. По крайней мере, нельзя думать, чтобы в их школах учили лицемерию. А поэтому образование Павла в фарисейском училище при таком учителе, как Гамалиил, могло оказать благотворное действие на развитие его нравственного характера, по крайней мере, не могло так повредить чистоте характера, как могут думать некоторые, основываясь на худом понятии о фарисеях.

Чтение книг Ветхого Завета, которым постоянно занимались в фарисейских школах, способствовало обогащению памяти Савла лучшими правилами нравственности и высокими образцами благочестия. Любимое их упражнение – изъяснять многие места в иносказательном смысле – пролагало в его уме путь тому святому искусству: извлекать из мертвого письма дух животворящий (ср. 2 Кор. 3, 6), которым ознаменованы все его послания, особенно к Евреям и Галатам. Даже то, что в образовании фарисейском было

предосудительного: чрезмерная привязанность к человеческим преданиям и мнениям учителей, страсть все подводить под правила, ничего не оставляя нравственному чувству, низведение нравственности из области духа в круг внешних, часто механических действий – все это впоследствии, под благотворным влиянием христианской религии, могло обратиться во благо. Люди с сильным умом и живым характером при душевных переменах, с ними встречающихся, обыкновенно уклоняются в противоположную сторону, и уклоняются далеко. Это случилось и с Павлом.

По обращении в Христианство он везде обнаруживает противоположный прежнему образ мыслей, даже там, где говорит и без непосредственного внушения Духа Божия, по собственному чувству (например, см. 1 Кор. 7, 25–40). В самом начале своего апостольского служения он не только отверг нечистые человеческие предания, которые были отвергнуты и прочими апостолами, вразумленными в их ничтожности учением и примером Иисуса Христа (см. Мф. 15, 1–9), но и проповедовал свободу христиан от обрядового закона – поступок, который долго подвергался едва ли не всеобщему нареканию, однако же был совершенно сообразен с духом новозаветного учения. Таким образом, Промысл, избравший Савла от чрева матери (см. Гал. 1, 15) на великое служение апостольства, обнаружил мудрое водительство и в том, что попустил ему провести юность свою *при ногах Гамалиила* (Деян. 22, 3).

Первое понятие о христианстве Павел, по всей вероятности, получил еще в школе Гамалиила, ибо нельзя думать, чтобы фарисейские наставники оставляли учеников своих в неведении о так называемой ими «новой секте», которая с самого своего начала сделалась весьма значительной и угрожала всем преданиям фарисеев. Невероятным даже кажется, чтобы Савл никогда не видал Иисуса Христа в продолжение Его земной жизни. Так, однако же, заставляют думать вся последующая история и все его послания. Павел нигде не упоминает о том, чтобы он видел Иисуса Христа, хотя во многих случаях было бы весьма прилично и даже нужно упомянуть об этом (например, см. Гал. 1,12; ср. Деян. 1, 21 и др.). Напротив, он нередко говорит нечто такое, из чего должно заключить, что Иисус Христос не был ему известен лично (например, см. Деян. 9, 5). Притом если бы Павел находился когда-нибудь в числе слушателей Иисуса Христа, то евангелисты, вероятно, заметили бы это обстоятельство, тем более что он, судя по его характеру, не мог быть безмолвным слушателем или зрителем Мессии.

Странность эту можно частично объяснить тем, что время открытого служения Иисуса Христа роду человеческому было непродолжительно и что большая часть его была проведена в путешествиях по Палестине, особенно по той ее части, которая называлась Галилеей. Иисус Христос приходил в Иерусалим только на праздники, и то на краткое время. Он почти всегда удалялся от шумных собраний народа и пропо-

ведовал большей частью не там, где полагали враги Его (см. Ин. 11, 54–57). Поэтому-то были и такие люди, которым, при всем желании их видеть Его, не представлялся такой случай (см. Лк. 23, 8). С другой стороны, Гамалиил, сообразно своему характеру, вероятно, старался содержать учеников своих, особенно юных, как Савл, в удалении от всех народных собраний, которые в то время редко обходились без печальных последствий. Лишь по окончании своего образования Савл мог отлучиться из Иерусалима в Таре к своим родителям. И можно ли перечислить все причины, которые могли воспрепятствовать Павлу видеть Иисуса Христа во дни Его земной жизни?

Из училища Гамалиилова Савл вышел тем, кем надлежало выйти ученику фарисея, – неумеренным ревнителем отеческих преданий (ср. Гал. 1,14). Пылкость характера и юность возраста его были причиной того, что он не перенял у своего наставника самой лучшей, может быть, части его наставлений – искусства соединять с ревностью по вере хладнокровное рассуждение и благоразумную терпимость (см. Деян. 5, 33–39). Соучастие в убиении апостола Стефана, по видимому, было не первым опытом приверженности Савла к отеческим преданиям, ибо оно не было столь значительно, чтобы первосвященники иудейские вследствие сего решились уполномочить юного фарисея на произведение тех кровавых гонений, которые последовали за смертью первомученика (см. Деян. 26,10). Наклонность многих из тогдаш-

них иудеев к языческим обычаям весьма часто представляла случаи к обнаружению патриотической ревности. Едва ли даже Савл (увлеченный пылкостью характера) не состоял в некотором отношении с ужасной в те времена сектой зилотов. Наименование ревнителя, которое он дает сам себе (см. Гал. 1, 14), расположенность к нему убийц Стефановых (см. Деян. 7, 58), которые, по всей вероятности, были зилоты, делают эту догадку правдоподобной.

Когда, таким образом, ученик Гамалиилов, имея ревность по Боге, но без рассуждения и не разумея праведности Божией, *усиливался поставить собственную праведность* (Рим. 10, 2–3), праведность по вере в Иисуса Христа тем временем уже оказывала благотворное свое действие над многими из его братьев по плоти. Несмотря на гнусную клевету первосвященников якобы о похищении тела Иисусова учениками Его и на строгие меры против провозвестников Его Воскресения, весь Иерусалим исполнялся славою имени Распятого: слово Божие росло, и число учеников непрестанно умножалось, из самых священников иудейских *очень многие покорились вере* (Деян. 6, 7). Иудейству, и без того давно потрясаяемому различными толками господствующих сект, угрожала новая величайшая опасность со стороны возникающего Христианства.

Что должен был мыслить и чувствовать в этих обстоятельствах Савл – юноша с пылким характером, патриотическим чувством, с умом сильным, но помраченным предрас-

судками, фарисей, от всего сердца приверженный к отеческому закону и обычаям, свято чтивший не только Моисея и Пророков, но и предания старцев, столь несообразные с духом Христианства? Мог ли он обольстительную мечту о Мессии, царе-завоевателе, променять на почитание Креста, который еще недавно был предметом посмеяния для Иерусалима? Мог ли он ожидать для себя чего-нибудь доброго от той «секты», Основатель которой столь строго и часто вооружался против порочной жизни фарисеев – его наставников и воспитателей? Савл видел только опасность со стороны Христианства, а поэтому питал к нему одно отвращение.

Чудеса Иисуса Христа и Его апостолов могли быть изъясняемы им так, как их вообще изъясняли фарисеи: содействием злых духов, легковерием народа и тому подобное. Внутреннее превосходство христианского учения также не могло трогать его: для этого требовалось спокойное углубление в дух христианской религии и в свою совесть, к чему ум, занятый предрассудками, не был способен. Только опытные и рассудительные люди, как Гамалиил, могли ожидать от Промысла разрешения недоумений, возбуждаемых успехами Христианства. Павел думал, что ему *должно много действовать против имени Иисуса Назорея* (Деян. 26, 9) – и действовал!

Первые опыты Савловой вражды ко Христову имени, вероятно, состояли в спорах с его провозвестниками (см. Деян. 6, 9). Но школьная ученость фарисейская недолго мог-

ла противостоять Стефану, исполненному Духа Божия (см. Деян. 6, 10). Сила слова заменена была насилием лжи (см. Деян. 6,13). Правдивость характера Павла не позволяет думать о том, чтобы он участвовал в сплетении клеветы на Стефана, однако же несомненно то, что он одобрял его убийство (см. Деян. 8, 1) и стерег одежды бесчеловечных Стефановых убийц (см. Деян. 7, 58). Он поступил в этом случае по совести, но только заблуждающейся. На нем, по замечанию святителя Иоанна Златоуста, в точности сбылись слова Спасителя: *убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу* (Ин. 16, 2). Ему казалось, что он приносит Богу отцов своих самую приятную жертву, когда преследует распространителей «новой ереси», которая, по его мнению, имела целью ниспровержение иудейской религии. Если бы он увидел, подобно Стефану, Иисуса, стоящего одесную Бога Отца, то, верно, не опасаясь участи Стефановой, в ту же минуту исповедал бы Его Сыном Бога Живого. Но если гнавший не знал, Кого гнал, то Гонимый зрел уже в нем *избранный сосуд* (Деян. 9, 15).

Неисповедимый Промысл попустил ненависти Савла к христианам открыться в новых разительнейших явлениях, чтобы, как изъясняет сам апостол, в нем первом показалось все долготерпение Божие в пример тем, которые будут верить в Иисуса Христа *к жизни вечной* (1 Тим. 1, 16). Рассеяние верующих по смерти Стефана породило в уме его убийц мысль, что усиленное гонение положит конец «новой ере-

си». По крайней мере, Савл в ослеплении дерзнул на новые жестокости. Получив от первосвященников власть преследовать христиан, он с этой целью ходил по всем синагогам; не довольствуясь этим, входил в дома их, не щадил ни пола, ни возраста, мучениями принуждал их хулить имя Иисуса, заключал в темницы и, когда убивали их, то подавал на то свой голос (см. Деян. 26, 10–11). Так может поступить человек с самой набожной совестью, когда он не проник в истинное свойство любви к Богу и ближнему! Успехи рассеявшихся христиан, которые всюду, куда бы ни приходили, благовествовали имя Христово, подали Савлу случай простереть гонение на них за пределы Палестины. Еще дыша угрозами и убийством, он испросил у первосвященников письма к дамасским синагогам (см. Деян. 9, 2), чтобы, связав тамошних христиан, препроводить их в Иерусалим. Дамаск, весьма обильно заселенный иудеями, представлялся Павлу обширнейшим полем для его действия. Римская власть, которая не терпела таких явлений, каким было убиение Стефана, не имела там силы, ибо Дамаск был завоеван незадолго перед тем Аретой, царем аравийским (см. 2 Кор. 11, 32). Новый его властитель благоприятствовал иудеям. Письма первосвященника, и без того уважаемые в иноземных синагогах, в дамасских должны были иметь силу закона и полный успех, который действительно последовал, только совсем в другом виде!

Обращение в Христианство

Путешествие в Дамаск было тем временем, которое Промысл избрал для обращения Савла в Христианство. Чем необыкновеннее это происшествие, чем разительнее открывается в нем Божественность христианской религии, тем драгоценнее для нас то, что мы имеем о нем весьма обстоятельные и несомненные сведения, сообщенные евангелистом Лукой (см. Деян. 9, 1-25) и двукратно самим Павлом (см. Деян. 22, 5-16; 26, 12-19). *Среди дня, – повествует он, – на дороге я увидел с неба свет, превосходящий солнечное сияние, осиявший меня и шедших со мною. Все мы упали на землю, и я услышал голос, говоривший мне на еврейском языке: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? Трудно тебе идти против рожна* (Деян. 26, 13-14).

Легко представить, сколь сильное впечатление должно было произвести это необыкновенное явление в пылкой душе гонителя! Он был уверен, что все неприязненные действия его против христиан непосредственно относятся к славе Божией, что он подражает в этом деле Финеесу и Илии¹⁰, и вот на том самом пути, который свидетельствовал о его ревности по Боге, видит явление, которого он не мог не признать за Божественное, слышит с неба голос, жалующийся на преследование! В ту минуту должны были возобновить-

¹⁰ Чис. 25; 3 Цар. 17.

ся в памяти его все злодеяния, причиненные им в Иерусалиме верным, должна была предстать его воображению смерть Стефана, бесчеловечие его убийц, кроткое спокойствие и небесное незлобие самого мученика. Совесть, конечно, уже внушала ему, перед Кем он виновен, но еще как бы не доверяя несправедливости своего дела, как бы желая дать знать, что он никого не гнал со злым намерением, всегда действовал по закону, Савл в трепете дерзнул спросить: *кто Ты, Господи?* – *Я Иисус, Которого ты гонишь* (Деян. 9, 5; 26, 15), – таков был ответ ему!

Нужно представить себя на месте Павла, чтобы почувствовать силу этих слов. Не было уже места сомнению в Божественности лица Иисусова, оставалось только место для страха и ужаса. Савл не знал еще, что Иисус есть Бог милосердия и щедрот, что Он пришел взыскать и спасти погибших и для того взошел на Крест, чтобы привлечь к Себе всех, обремененных грехами. Сообразно земному понятию своему о Мессии, он, без сомнения, думал увидеть в Нем строгого мстителя за поругание имени Своего, за мучение рабов Его и ожидал для себя участи Дафана и Авирона¹¹. Но Гонимый явился не для того, чтобы наказать гонителя, но чтобы сделать его Своим апостолом. *Встань и стань на ноги твои, –* молвил Господь, *– ибо Я для того и явился тебе, чтобы поставить тебя служителем и свидетелем того, что ты видел и что Я открою тебе, избавляя тебя от на-*

¹¹ Чис. 16.

рода Иудейского и от язычников, к которым Я теперь посылаю тебя открыть глаза им, чтобы они обратились от тьмы к свету и от власти сатаны к Богу, и верою в Меня получили прощение грехов и жребий с освященными (Деян. 26,16–18).

Ободренный этими утешительными словами, Савл желал знать, что требуется от него, чтобы соответствовать новому служению, на него возлагаемому, и получил ответ, что ему будет открыто о том в Дамаске. После того видение кончилось, оставив глубокие следы на очах Савловых (он сделался слеп) и еще глубже – в его сердце. Люди же, шедшие с ним, видели только свет и слышали голос, но Того, Кто говорил с ним, не видели и, что говорил, не разумели.

Савл, ведомый спутниками, пришел в Дамаск. Слепота его продолжалась три дня, проведенные им без пищи и питья. Состояние духа его было в то время самое мучительное для ветхого человека, но тем благодатнее для человека нового: все силы ума и сердца должны были как бы переродиться для новой жизни во Христе Иисусе. Лишенный света внешнего, он обратился ко внутреннему – молился, и получил видение, в котором представилось ему, что некто из христиан, именем Анания, возвратит ему зрение (см. Деян. 9, 12). В то же время последовало откровение и Анании. Сам Иисус Христос (так много заботился Он о Своем гонителе!), являсь ему, повелел идти к Савлу для возвращения тому зрения. Анания ужаснулся, представляя лютость этого

человека и его ненависть к христианам, но был успокоен тем, что прежний гонитель – теперь уже избранное орудие славы Христовой. Найдя Савла в доме некоего иудеянина, именем Иуды, он возложил на него руки и сказал: *Брат Савл! Господь Иисус, явившийся тебе на пути... послал меня, чтобы ты прозрел и исполнился Святаго Духа* (Деян. 9, 17). За словами тотчас последовало и действие: с глаз Савла как будто спала какая-то чешуя, он прозрел и немедленно принял крещение без сомнения от рук Анании (см. Деян. 9, 10–18).

Обращение Павла есть одно из необыкновеннейших событий, какими прославилась Апостольская Церковь. Потому-то святые отцы столь часто вспоминали о нем и с таким удовольствием углублялись в него размышлением. Оно служит утешительнейшим примером для всех грешников, особенно тех, которые имели несчастье питать ревность по Боге без рассуждения, и в то же время это обращение одно из самых ощутимых доказательств Божественности христианской религии. В самом деле, не кроткий по природе человек, который бы сам по себе имел расположение к благотворному учению христиан, не слушатель Иисуса Христа, о котором можно бы сказать, что он увлечен сладостью слов Его, – не такой человек видит Иисуса, которого иудеи почитали мертвым, но упорнейший защитник иудейства, непримиримый враг имени Христова, жестокий преследователь почитателей Его, в котором первосвященники видели надежный оплот против разливающегося потока «новой ереси», одно имя ко-

торого приводило в трепет и таких людей, каков был Анания, прибытия которого в Дамаск христиане ожидали как гнева Божия, а иудеи как посланного свыше хранителя, – одним словом, Савл видит Иисуса, признает Его Мессиею, Сыном Божиим, и делается ревностным провозвестником имени Его, презирающим самую смерть за истину нового учения. Какое ободрение для гонимых христиан! Какой страх для иудеев! Какой ужас для убийц Стефана – для убийц Иисуса Христа!

Савл не мог ожидать себе от христиан никаких земных выгод. Искал ли он чести? Она была оказана ему Верховным советом иудейским, который возложил на него самое важное поручение: истребить возникающее Христианство. Исполнение этого поручения покрыло бы его новой славой, и он мог бы получить право на самое высокое положение среди фарисеев. Напротив, христиане как сами не имели почестей, так не могли и обещать их, будучи гонимы и презираемы иудейскими властями. Искал ли он богатства?

Христиане были бедны, многие из них жили милосердием своих братьев по вере, их последнее имущество подлежало расхищению, сама жизнь находилась в непрестанной опасности. Напротив, секта фарисеев изобиловала всеми временными благами и, пользуясь великим уважением в народе, могла доставить любимцам своим все им угодное. Надеялся ли он быть важным лицом среди христиан, начальником их «ереси»? Но что за слава быть главой общества, состоявшего

из людей низкого происхождения, бедных, слабых, незнакомых с мирским просвещением, проповедующих добровольную нищету и самоотвержение? Кроме того, мог ли Савл надеяться на доверие к себе христиан после многократного проявления своей жестокости к ним?

Вся последующая жизнь святого Павла служит яснейшим доказательством того, что он сделался христианином не по каким-либо земным побуждениям, но единственно потому, что совершенно убедился в Божественности Христианства чудесным явлением Иисуса Христа. Он везде проявляет строжайшее бескорыстие: имея полное право получать содержание от тех, кто обязан ему своим спасением, питается большей частью своими собственными трудами; собирает милостыню по Церквам, им насажденным, но не для себя, а для бедных иерусалимских христиан; ищет славы, но единственно той, которая состоит в верном исполнении высоких обязанностей апостольства; не терпит, чтобы кто-либо из обращенных им назывался по его имени, Павловым; называет себя последним из апостолов; хочет, чтобы его считали не более чем служителем Иисуса Христа; вслух постоянно говорит, что он был гонителем и хульником и помилован единственно по милосердию Спасителя.

Но Савл не только не искал для себя у христиан никаких временных отличий, но еще должен был при переходе в Христианство отказаться от тех, что имел в иудействе. Сделавшись христианином, он должен был потерять славу перво-

го ревнителя и защитника иудейства, должен был ниспровергать отеческие предания, к которым он привык с детства, должен был разорвать нежнейшие узы родства и дружбы, ибо сродники и друзья его остались в иудействе. Этого мало. За веру в Иисуса Христа ему неминуемо надлежало сделаться предметом ненависти всех фарисеев, всего синедриона, всего народа иудейского.

Савл не был мечтателем, который внушения своего собственного чувства и игру воображения почитает за Божественные вдохновения. Мечтательность энтузиазма происходит или от чрезмерного пристрастия к любимым мнениям, или от меланхолии, или от живого, но необразованного воображения, или от детского легковерия. Савл имел сильное пристрастие, но не к христианству, а к преданиям фарисейским; между тем когда познал истину, то немедленно отверг их раз и навсегда. Его характер не был мрачным. Каким бы опасностям, скорбям, лишениям ни подвергался он в продолжение своего апостольства, при всем том в нем не было ни малейших признаков малодушия, он был совершенно доволен своей судьбой, радовался среди самых страданий. Если он желал окончания своей жизни, то только потому, чтобы скорее соединиться с возлюбленным Спасителем. В этом желании не было ничего нетерпеливого от энтузиазма; потому-то когда он увидел, что для учеников его полезнее, чтобы он оставался в этой жизни, то употреблял все справедливые способы к отдалению ее конца.

Савл имел живое воображение, но как строго оно было подчинено рассудку! Читая его послания, мы находим сильные порывы чувств, но они никогда не выходят за пределы: это невольное изливание сердца, преисполненного любовью к Богу и ближнему. Тем менее можно предполагать в нем легковерия и неосмотрительности. Из одной истории его можно извлечь подобные правила христианского благоразумия. Он постоянно внушал своим ученикам все испытывать, дабы принимать одно доброе, упрекал их, когда они, подобно детям, колебались всяким ветром учения (ср. Еф. 4,14), предостерегал их от ложных откровений и пророчеств, никогда не требовал себе слепой веры, напротив, хотел, чтобы они поступали по убеждению собственного своего ума. Так ли поступают люди с мечтательным характером?

Тем прискорбнее для сердца христианина, когда он находит, что в наши времена некоторые из так называемых христианских философов покушаются чудесное обращение апостола Павла изъяснять естественным образом. И пусть изъяснения их были бы действительно естественны, но, напротив, они таковы, что едва ли бы могли заслужить одобрение самих врагов Павловых – иудеев.

Весьма вероятно, так думают те, которые мудрствуют сверх того, что написано (ср. 1 Кор. 4, 6), будто Савл после смерти Стефана начал сомневаться в справедливости гонения, воздвигнутого на христиан. На пути в Дамаск это сомнение еще более как бы усилилось. «Что, – размышляя

он, – если христиане невинны, если правда все то, что они повествуют об Иисусе Христе, если этот Иисус, мной гонимый, есть действительно Мессия? Чего должны ожидать враги Его, чего должен ожидать я? О, если бы Он явился мне и уверил меня в Своей Божественности, я немедленно сделался бы христианином!» Когда душа Павлова была наполнена такими мыслями, вдруг будто нашло облако, ударил гром и Савл, ослепленный молнией, повергся на землю. Поскольку же иудеи почитали гром за некоторый вид Божественного откровения, смысл которого изъясняли сообразно состоянию своего духа, то это естественное происшествие и было почтено Савлом за таковое откровение. Ему показалось, что он видит Самого Иисуса Христа и беседует с Ним, между тем, эта беседа была не что иное, как разглагольствие его с собственной совестью. Решившись же вследствие этого явления обратиться ко Христу, он достигает Дамаска, вступает в общение с христианами и, узнав основательнее святость и чистоту их учения, принимает крещение.

Изъяснение это, сколько ни стараются придать ему вид правдоподобия, никак не может согласовываться с историческими сказаниями о Павловом обращении, основывается на недоказанных предположениях и опровергает само себя.

1. Не согласовывается с историческими сказаниями.

а) Павел свидетельствует, что он слышал голос, говоривший на еврейском языке (см. Деян. 26, 14): это непререкаемая черта действительного разговора с действительным ли-

цом, ибо гром не может говорить ни по-еврейски, ни на другом каком-либо языке – это нелепость! С другой стороны, нельзя утверждать, что Павел размышлял сам с собой на еврейском языке – это также нелепость!

б) Павел рассказывает, что спутники его голос слышали, но никого не видели (Деян. 9, 7). Если под голосом разумеется гром, то слова «никого не видели» будут совершенно лишние, ибо кто, слыша гром, будет думать, что это говорит какое-либо лицо? Если же голос, слышанный Павлом, был такого свойства, что в спутниках его он должен был вызвать представление о лице говорящем, то это верный знак того, что голос этот был членораздельный, сходный с голосом человеческим.

в) Павел весьма подробно описывает явление Иисуса Христа, замечает место и время, когда оно случилось; как было тут не упомянуть ему и о том, что голос, говоривший с ним, выходил из облака? Напротив, он утверждает, что это случилось внезапно в полуденное время, то есть когда небо было совершенно чисто и нельзя было ожидать подобного явления с неба (см. Деян. 9, 3; 22, 6).

г) Когда удары громовые раздаются близко к человеку, то в таком случае звук следует непосредственно за светом, но Павел увидел сначала свет, а потом уже, павши на землю, услышал голос. Если же молния ударила далеко от Савла, то она не могла повредить его зрения.

д) В одном месте Деяний говорится, что спутники Павло-

вы голос слышали (см. Деян. 9, 7), а в другом – написано, что они не слышали слов Того, Кто говорил с Савлом (см. Деян. 22, 9). Такое противоречие останется неизъяснимым, если под голосом будем понимать гром. Ибо в таком случае «не слышать» – значит просто не слышать, не ощущать слухом, но можно ли вместе и слышать, и не услышать? Однако это противоречие исчезает само собой, когда голос, услышанный Павлом, принимаем за голос членораздельный, ибо спутники могли слышать звук слов и не понимать их значения. Таким образом, о них можно было сказать, что они и слышали голос, и не услышали.

2. Основывается на недоказанных предположениях.

а) Мысль, что Савл перед путешествием в Дамаск начал колебаться в своей приверженности к иудейству, раскаявшись в жестокостях и гонениях, воздвигнутых на христиан, есть произвольная догадка, противоречащая истории. Ибо в каком расположении духа он отправился в Дамаск? Дыша угрозами и убийством на учеников Господних (см. Деян. 9, 1). Это ли признак человека, начинающего приходить к раскаянию? В продолжение путешествия не было случая переменить ему свой образ мыслей. Из вопроса, заданного им Иисусу Христу: Кто Ты, Господи? – видно, что он непосредственно перед тем совсем не думал, как это предполагается, об Иисусе Христе, иначе упрек Спасителя: Что ты гонишь Меня? – тотчас пробудил бы в душе его мысль, что это Иисус, им гонимый.

б) Не более силы имеет и то предположение, что иудеи во времена Иисуса Христа почитали гром за некоторый вид Божественного откровения. Изобретатели и защитники его вместо убедительных доказательств ссылаются на Евангелие от Иоанна (см. Ин. 12, 26–29), но место это без явного насилия над строем речи не может быть почитаемо за доказательство. Ссылаются еще на Иосифа Флавия, но у него громы – только признак присутствия Божия – мнение, по всей вероятности, произошедшее от воспоминания Синайского законодательства, в котором присутствие Божие обнаружилось громами.

3. Опровергает само себя.

а) Предполагается, что Савл был ослеплен и повержен на землю молнией, и в то же время предполагается, что он, поверженный на землю, мог спокойно размышлять сам с собой, задавать вопросы, отвечать, осуждать прежние деяния свои, решиться на перемену своей веры. Не истребляют ли сами себя эти два противоположения? Человек, пораженный молнией, способен ли к таким размышлениям? Опыт показывает, что такие люди лишаются чувств.

б) Итак, надлежит утверждать, что разговор Павла со своей совестью происходил не во время громовых ударов, а при дальнейшем продолжении им пути или в Дамаске. Но если это так, то мог ли Павел представлять его в виде разговора с Самим Иисусом Христом, происшедшим во время грома? Это мог сделать лишь стихотворец, а не апостол.

Кроме того, надо заметить: а) что Павел неоднократно ставит явление ему Иисуса Христа (см. 1 Кор. 9, 1; 15, 8; Гал. 1,1,16) в один ряд с действительным явлением Его прочим апостолам и выводит из этого истину и Божественность своего апостольства; но все это не иначе можно соотнести с прямотой Павлова характера, как при условии, что ему действительно явился Иисус Христос; б) прочие апостолы и все христиане, без сомнения, приняли Савла в свое сообщество не ранее, как после строгого исследования всех обстоятельств его чудесного обращения, совершенно уверившись, что он не был обманут собственным воображением. Что они не были легковверны к прежнему гонителю своему, ясно из апостольских Деяний (см. Деян. 9, 27–28).

Время обращения апостола Павла

По многим причинам полезно знать, в какой именно год по Вознесении Иисуса Христа случилось обращение апостола Павла. Но попытка определить в точности этот момент, столь важный по отношению к хронологии Деяний апостольских, сопряжена с великими неудобствами, не только по причине недостатка ясных свидетельств, но и по причине разногласия прикровенных указаний, из которых нам посредством рассуждений надлежит вывести правдоподобнейшее мнение. Сделаем, однако же, то, что можно, если нельзя сделать всего.

Многие из прежних библейских хронологов полагали, что Павел обратился ко Христу в первый год по Вознесении Господнем (см. Деян. 9, 27–28). Но, приняв это мнение, следует утверждать, что происшествия, описанные в книге Деяний до 9-й главы, содержащей историю обращения Павлова, случились в продолжение нескольких месяцев, что, судя по их количеству и качеству, маловероятно. Невероятно также и то, чтобы в продолжение столь незначительного времени христиане до того умножились в Дамаске, что для истребления их нужно было посылать туда Савла. Притом Павел сам рассказывает, что во время его обращения Дамаск находился под властью аравийского царя Ареты, но Сирия в 33 и 34 годах принадлежала еще римлянам и состояла под управлени-

ем Вителлия¹². Правда, защитники вышеприведенного мнения догадываются, что Арета в самом начале войны с Иродом Антипой из-за Иродиады (война эта началась в 34 году) совершил нападение на Дамаск, чтобы таким образом предупредить римлян, в приязни и содействии которых Ироду, своему врагу, он не мог сомневаться. Но эта догадка весьма неосновательна, ибо Арета, конечно, не был столько безрассуден, чтобы своим нападением на римские области настраивать против себя повелителей мира.

История, напротив, говорит, что Вителлий, правитель Сирии, оставался спокойным зрителем борьбы Ирода с Аретою и требовал от кесаря повеления, как ему должно поступать в этом случае. Но если Арета до полученного Вителлием приказания от Тиверия¹³ доставить его живым или мертвым в Рим завладел Дамаском, то остается необъяснимым, почему славолюбивый и мужественный Вителлий, который принудил некогда парфянского царя принести жертву статуям Августа и Калигулы¹⁴, не отразил тотчас силу силой, как того требовали честь римского имени и его собственная репутация? Он, без сомнения, сделал бы это и в том случае, если

¹² Авл Вителлий (15–69 гг.) – римский консул (с 48 г.), проконсул Африки (61–62 гг.), провозглашен римским императором с 69 г., в этом же году погиб в борьбе с другим претендентом на трон – Веспасианом.

¹³ Тиверий (42 г. до Р.Х. – 37 г. по Р.Х.) – пасынок Августа, римский император с 14 г. по Р.Х.

¹⁴ Гай Цезарь Калигула (12–41 гг.) – римский император с 37 г. из династии Юлиев-Клавдиев. Убит преторианцами в 41 г.

бы Арета только осмелился окружить своими войсками Дамаск, как весьма убедительно поясняют слова Павловы [*stepreg gorod Damask* (2 Кор. 11, 32)] хронологи. Еще менее всего можно предполагать в Арете решимость осаждать Дамаск после того, как Вителлий, вследствие Тивериева повеления помогать всеми силами Ироду, собрал свои войска для войны с аравиянами.

Но не завоевал ли Арета Дамаска и, следовательно, не могло ли последовать обращение Павла в Христианство в 39 году по Рождестве Христовом, когда Вителлий, получив известие о смерти Тиверия, возвратил свои войска на зимние квартиры? Также невероятно, ибо римский военачальник ни в коем случае не позволил бы аравийскому властителю безнаказанно расхищать и присваивать себе области, находившиеся под его управлением. Вообще, доколе Вителлий был проконсулом Сирии (до 39 года), Дамаск не мог быть отнят у римлян. Значит, обращение Павла могло последовать, по крайней мере, не ранее 39 года нашей эры или спустя пять лет по Вознесении Господнем.

Наиболее вероятно, что оно произошло в 40 год по Рождестве Христовом. Сирия не была тогда уже под управлением победоносного Вителлия. Бездеятельность и безрассудство преемника Тиверия, Калигулы, служили ободрением для врагов Римской империи, а поэтому Арета, который, за три года до того разбив войска Иродовы, мог, гордясь успехом, отважиться на завоевание Дамаска. С этим мнением

согласуются и важнейшие из хронологических указаний на время обращения Павлова, которые находятся в его посланиях и в Деяниях апостольских. Из Послания к Галатам видно, что первое путешествие Павла в Иерусалим последовало спустя три года по его обращении (см. Гал. 1, 18). Поскольку Павел называет здесь Иакова Младшего, с которым он виделся, братом Господним, для того, конечно, чтобы отличить его от Иакова Старшего, то надо думать, что последний был в живых, когда апостол в первый раз ходил в Иерусалим. Во время вторичного посещения Павлом Иерусалима Иаков Старший был умерщвлен. Кончина апостола должна предвдварить смерть царя Агриппы, его убийцы, только несколькими месяцами, ибо евангелист Лука о последней повествует непосредственно за первым. А смерть Агриппы, как достоверно известно, наступила в четвертый год Клавдиева¹⁵ царствования, или в 44 год нашей эры.

Итак, если обращение Павла, как мы видели, не могло последовать прежде 39 года и если Иаков Старший был в живых во время первого пребывания Павлова во Иерусалиме и мертв во время второго, то есть в 44 году, то это значит, что первое путешествие Павла в Иерусалим произошло в 43 году и, следовательно, обращение его должно быть отнесено к 40 году по Рождестве Христовом, или к шестому году по Вознесении Спасителя. То же подтверждает и сама причина, в силу

¹⁵ Тиберий Клавдий (10 г. до Р.Х. – 54 г. по Р.Х.) – римский император с 41 г. из династии Юлиев-Клавдиев.

которой предпринято было апостолом второе путешествие в Иерусалим. Голод, от которого страдала тогда Иудея и который побуждал антиохийцев посылать через Павла милостыню в Иерусалим, начался в четвертый год Клавдиева правления (в 44 году по Рождестве Христовом) и продолжался, по свидетельству Иосифа Флавия, около двух лет. Павел, вследствие пророчества Агава, должен был, по всей вероятности, в самом начале бедствия отправиться в Иерусалим для того, чтобы доставить пособие братьям-христианам, живущим в Иудее (Деян. 11, 29). А поэтому второе путешествие его приходится на 44 год, первое – на 43-й, и, следовательно, обращение его должно было последовать в 40 год.

Сказанному нами, по-видимому, противоречит Послание к Галатам, где апостол говорит, что второе путешествие в Иерусалим предпринято было им спустя не четыре, а четырнадцать лет по его обращении: *Потом, через четырнадцать лет, опять ходил я в Иерусалим* (Гал. 2, 1). Но лучшие из древних и новейших критиков полагают, что в указанном месте надо читать не четырнадцать, а четыре. Впрочем, нет особенной нужды вносить изменение в настоящее написание, ибо наше мнение может вполне согласовываться с ним. Именно, Павел не говорит, что путешествие, о котором упоминает он в Послании к Галатам (см. Гал. 2,1), было точно второе, а сообщает только, что спустя четырнадцать лет по обращении он опять ходил в Иерусалим. Судя по этому времени и по делам, которыми он занимался там, весьма веро-

ятно, что он разумел под этим третье свое путешествие в Иерусалим, описанное в 15-й главе Деяний. Причина, почему Павел упомянул непосредственно вслед за первым о своем третьем путешествии и обошел молчанием второе, состояла в том, что он при рассказе о пребывании в Иерусалиме имел целью показать свое равенство с прочими апостолами, в подтверждение которого второе путешествие ничего более не предоставляло.

Первые подвиги апостола Павла

В порядке вещей следовало бы предположить, что Павел по своем обращении в Христианство будет искать случая вступить в сообщество апостолов, чтобы, научившись от них таинствам новой веры, участвовать в их апостольских трудах. Так, может быть, поступил бы всякий другой, но не Павел. Призванный к христианству и апостольству *не человеками и не через человека* (Гал. 1, 1), но Самим Иисусом Христом, он от Него Единого ожидал наставления в великом служении своем, не почитая нужным *советоваться* о том *с плотью и кровью* (Гал. 1, 16), с кем-либо из людей, себе подобных. Анания, совершивший над ним крещение, мог преподать Павлу и некоторые первые понятия о предметах веры. Но мог ли он сообщить ему разумение всех тайн Христовых (ср. Еф. 3, 4), которые впоследствии оказались раскрытыми в посланиях Павловых, причем некоторые из них [например, тайна обращения ко Христу язычников (см. Еф. 3, 4–8)] были тогда скрыты еще и для самих апостолов?

Евангелие к евреям, из которого, по мнению некоторых критиков, апостол заимствовал сведения о жизни Иисуса Христа и духе Его учения, в первые годы по обращении Павла еще не существовало. Из того, что в этом Евангелии упоминается о явлении Иисуса Христа апостолу Иакову [случай, не упомянутый прочими евангелистами, но упомяну-

тый Павлом (см. 1 Кор. 15, 7)], не следует еще, чтобы оно было прочитано последним.

Павел упоминает и о некоторых других происшествиях, описанных евангелистами [например, об установлении Тайной Вечери (см. 1 Кор. 11, 23-29)], однако можно утверждать, что он узнал о них не из Евангелий, а из непосредственного откровения. Он неоднократно в своих посланиях объявляет (и мы должны слушать его, оставляя все догадки в стороне), что все, чему он ни поучал, открыто ему Духом Святым (см. 1 Кор. 2). При таком учителе не было нужды в земных наставниках.

От жестокого гонителя Христианства до ревностного проповедника Евангелия, от фарисея, помраченного предрассудками, до великого учителя народов, проповедующего премудрость, сокровенную в Боге, – расстояние великое! Но для Павла оно не существовало. Едва только получил он телесное прозрение от Анании, как тотчас, сообразно предсказанию Иисуса Христа (см. Деян. 26, 18), начал отверзать духовные очи другим. Быть христианином и проповедовать имя Христово для него означало одно и то же. Он уже имел все качества, потребные для высокого апостольского служения. Апостолу следовало быть самовидцем Иисуса Христа – Павел видел Его, и, что важнее, видел не в состоянии уничижения, но в состоянии славы. Апостол должен быть избран Самим Иисусом Христом – Павел принял жребий служения не от кого-нибудь другого, как от Самого Христа. Апостол

должен был принять Духа Святого – Павел был постоянно храмом Святого Духа.

Могли ли дамасские раввины противостоять новому проповеднику Христианства? Им оставалось одно средство, столь угодное фанатизму, – прибегнуть к насилию. Оно немедленно было употреблено в дело: решили умертвить Павла. Дамасский градоначальник, содействуя врагам его, окружил стражей все выходы из города, чтобы обреченная на заклание жертва не могла спастись бегством. Но прозорливая попечительность новых братьев Павловых по вере была гораздо деятельнее злобной предусмотрительности врагов его: в продолжение ночи он был спущен в корзине по городской стене (см. 2 Кор. 11, 32). Так в самом начале апостольского служения Павлова открылась неизмеримая череда опасностей и скорбей, сквозь которые он должен был проходить до самого конца своей жизни, чтобы получить тот неувядаемый венец правды, который приуготовит ему Господь в день оный (ср. 2 Тим. 4, 8).

Из Дамаска Павел удалился в Аравию (см. Гал. 1, 17). Надо думать, что это путешествие его, как и все другие, имело своей целью проповедь Евангелия. Впрочем, подробности его для нас неизвестны, святой Лука даже не упоминает о нем. Возвратившись из Аравии, Павел снова посетил Дамаск и, несмотря на недавнюю опасность, снова проповедовал в нем Христа. От обращения его в Христианство протекло уже около трех лет, и он решился побывать в Иерусалиме, чтобы

увидеться с Петром (см. Гал. 1, 18). К этому путешествию могли расположить его отчасти потребность определить круг своего апостольского служения сообразно действиям прочих апостолов, отчасти желание видеть Матерь Церкви – Церковь Иерусалимскую – и утешиться с очевидцами жизни

Иисуса Христа преуспеванием Христианства между иудеями, и, наконец, отчасти ревностное желание возвестить имя Христово в том самом месте, где он явился упорным гонителем Его.

Иерусалимские христиане не могли не слышать о чудесном обращении Павла. Но трехлетнее пребывание его в Аравии, с которой палестинские иудеи, особенно в то время, не имели никакого общения, могло привести к забвению его непритворного усердия к новой вере, проявленного им в Дамаске. Между тем они весьма живо помнили смерть Стефана, узы и темницы, в которые верующих ввергал Савл-гонитель. Поэтому неудивительно, что иерусалимские христиане удалялись от него, не веря, чтобы он был учеником Иисуса, несмотря на то что он, придя в Иерусалим, всячески старался присоединиться к ним. Павлу следовало представить поручителя в искренности своих намерений, и он нашел его в Варнаве, вероятно, познакомившимся с ним в Дамаске. Тот, пользуясь доверенностью к себе всей Иерусалимской Церкви, представил Павла апостолам, рассказав подробно как о чудесном обращении его, так и о ревности за имя Христово. Подозрения кончились, уступив место братской любви,

и Павел с тех пор начал общаться с апостолами на равных правах (см. Деян. 9, 28).

Пребывание его в Иерусалиме сопряжено было с великой опасностью: три года отсутствия не могли привести к забвению его измены (так, без сомнения, называли иудеи обращение Павла ко Христу) перед синедрионом – причина, весьма достаточная для того, чтобы удержаться от проповедования Евангелия в Иерусалиме. Но Павел не знал страха в деле проповеди и бестрепетно возвещал вслух для всех и каждого, что распятый Назарянин, Которого он прежде гнал, есть истинный Мессия, Сын Божий! Иудеи иерусалимские в этом отношении были ничем не лучше дамасских: составился заговор на жизнь проповедника. Все верующие увидели опасность, один Павел не хотел замечать ее. Напрасно братья советовали и просили его удалиться – душа его занята была одной мыслью: Иерусалим, бывший свидетелем его гонения на христиан, должен стать свидетелем и его ревности ко христианской вере (см. Деян. 22,17). Он готов был уже перед лицом синедриона омыть своей кровью позор соучастия в убийстве Стефана, но Промысл, который предопределил его к большим подвигам, не принял этой жертвы.

По обыкновению, Павел вошел во храм для молитвы. Кажется, наряду с прочим, молился он и о том, чтобы Промысл вразумил его, должен ли он остаться в Иерусалиме или, следуя совету братьев, удалиться из него. Посреди молитвы пришел он в восторг: ему явился Иисус Христос и повелел оста-

вить Иерусалим, потому что иудеи не примут его свидетельства о Нем. В избытке святой ревности Павел представлял, что иерусалимляне, соблазненные его прежней жестокостью к христианам, ни от кого с такой убедительностью не смогут услышать проповедь Евангелия, как от него, и что пример его может возвратить на путь правый тех, кто, подобно ему прежнему, имеет ревность без рассуждения. Но Господь объявил ему, что он предназначен быть апостолом язычников, а не иудеев (см. Деян. 22, 17–21). Павел повиновался и был препровожден верующими сначала в Кесарию, а потом в Таре – место его рождения (см. Деян. 9, 30). Было это в начале 44 года по Рождестве Христовом.

Между тем христиане, рассеявшиеся от гонения, бывшего после Стефана, пронесли слово Евангелия до Финикии, Кипра и Антиохии (см. Деян. 11, 19). В последней проповедь евангельская возобладала над столь многими душами, что иерусалимские христиане, услышав о том, почли за нужное отправить туда Варнаву для укрепления новоначальных в вере. Господь благословил труды этого добродетельного мужа, но жатва была так богата, что требовала не одного, а многих делателей. Зная отличные дарования и ревность ко Господу Павла, а также провидя его предназначение быть учителем язычников, из которых большей частью состояла Церковь Антиохийская, Варнава отправился за ним в Киликию и, найдя его в Тарсе, привел с собой в Антиохию (см. Деян. 11, 25).

Здесь Павел вместе с Варнавой целый год трудился над образованием Церкви. Успех был столь велик, что Церковь Антиохийская впоследствии сделалась, как известно, Матерью восточных Церквей. Святой Лука по этому поводу замечает, что ученики в Антиохии первыми стали называться христианами (ср. Деян. 11, 26). Поскольку же это произошло, как полагают, от частого употребления Христова имени, то можно догадаться, что оно было непрестанно запечатлено не только в сердце, но и на языке Павловых учеников. Так верно и постоянно исполнял он свое намерение не казаться знающим что-либо, кроме Иисуса Христа, и Того – Распятого! Предсказание пророка Агава о скором голоде, который должен был наступить особенно среди иерусалимских христиан, потерпевших от иудеев разграбление имущества, расположило антиохийцев послать им братское пособие. По этому случаю Павел снова отправился в Иерусалим для доставки собранной милостыни. Если происшествия, описанные в 12-й главе Деяний: убиение апостола Иакова Иродом, заключение и чудесное освобождение Петра, внезапная смерть Ирода, убийцы Иакова, – случились, как следует думать, во время пребывания Павла в Иерусалиме, то оно продолжалось около года, и подробности его нам неизвестны.

Первое апостольское путешествие

По возвращении из Иерусалима Павел недолго оставался в Антиохии. Уже наступило время, когда ему надлежало явить себя на великом поприще учителя язычников. Он и прежде благовествовал им Евангелие, но его голос сливался с голосами других проповедников; он назидал на основании, уже положенном другими его предшественниками, между тем как ревность к распространению истины побудила его проповедовать там, где еще не было известно имя Христово.

К столь великому подвигу Павел приуготовлен был новым, чрезвычайным откровением, о котором упоминается им во Втором Послании к Коринфянам и которое, по наиболее вероятному хронологическому соображению, должно быть отнесено к этому времени. Сущность и образ этого откровения описаны самим Павлом в следующих словах: *Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба, И знаю о таком человеке (только не знаю – в теле, или вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать* (2 Кор. 12, 2–4). Хотя апостол говорит здесь о себе в третьем лице, не приходится сомневаться, что он изображает тут самого себя. К такому заключению приводит уже краткое вступление, кото-

рым начинается повествование об откровении: *Не полезно хвалиться мне, ибо я приду к видениям и откровениям Господним* (2 Кор. 12, 1). Того же вывода требуют и следующие за этим повествованием слова: *И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился* (2 Кор. 12, 7), – которые будут излишними, по крайней мере, совершенно неожиданными, если предшествующее повествование не подразумевает самого апостола. Самая цель, ради которой упоминается об откровении, не позволяет относить эти его слова к кому-нибудь другому, кроме Павла, ибо он хотел доказать этим истину своего апостольского достоинства, сомневающимся в том лжеучителям. В этом отношении рассказ о чужом опыте ничего не сообщал бы нового в пользу Павла. Относительно же самого откровения представляют интерес следующие вопросы: что за состояние, в котором находился Павел? Куда он был восхищен и что слышал? Для чего дано такое откровение, которого человеку невозможно пересказать?

Состояние Павла в продолжение явленного ему откровения было таково, что он сам себе не мог дать в нем отчета. «В теле ли, – говорит он, – находился я тогда, было ли со мной тело, или вне тела, одна душа оставалась? Не знаю, – Бог один знает». И прочие святые мужи, когда получали откровения, разрешались, более или менее, от уз телесной природы, возносясь в область своего духа, но для Павла в продол-

жение откровения эти узы будто вовсе не существовали. Он весь был в духе, а дух весь в Боге. Для всемогущества Божия, конечно, ничего не значило на время совершенно восхитить душу Павлову из тела, но трудно усмотреть необходимость в таком беспримерном для самых благочестивых людей отлучении в живом человеке души от тела, как об этом пишет святитель Иоанн Златоуст в толковании на Второе Послание апостола Павла к Коринфянам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.